

Описанная двигательная методика употреблялась около двадцати лет тому назад в рефлексологических опытах Молоткова, но такую же остается двигательная методика и теперь, если судить по опытам с этой методикой Иванова - Смоленского¹⁾. Испытуемому в обстановке Иванова - Смоленского (обычно учащемуся) показывают конфету, которую он может получить, нажавши на резиновый баллон; одновременно дается звонок или другой подходящий раздражитель. Через несколько подобных опытов может случиться, что один звонок без конфеты вызовет нажим баллона. Автор уверяет: 1) что это чистые рефлексологические опыты, без обращения к сознанию, 2) что эти опыты протекают совершенно так, как и у Павлова (предельное достижение для рефлексологов, не пользующихся слюнной методикой). И в первом и во втором можно усомниться. Уже при более совершенной условно - рефлекторной методике — слюнной — имеется большая зависимость течения опытов от психофизиологических состояний (см. дальше наше исследование слюнных условных рефлексов у человека). То, что и в данных опытах мы имеем попрежнему сложную игру психофизиологических моментов поведения, это видно из следующих слов самого экспериментатора: «Бывают при этом случаи, когда дети, под тормозящим влиянием незнакомой обстановки или под действием приобретенного в течение воспитания тормозного навыка «не брать без позволения», обращаются к экспериментатору с соответственным словесным или мимическим вопросом, приходится, конечно, давать разрешение, растормаживая задержанный рефлекс. Но этот момент речевого или мимического контакта, как мы уже имели возможность убедиться, не отсутствует ни в одной из ранее описанных методик, главным образом, во время подготовительных к эксперименту процедур»²⁾.

Правильно. При всех опытах по двигательной условно - рефлекторной методике никогда не отсутствует, как мы уже сказали, та или иная инструкция, обращенная к сознанию испытуемого, и, следовательно, та или иная сознательная реакция испытуемого на нее; от этой инструкции и реакции зависят эффекты методики. Что исследователь психофизиологических состояний исследует и физиологический механизм, это понятно из самого определения этих состояний и является правилом экспериментальной психофизиологии со времен ее основания. Интересно спросить Иванова - Смоленского: с фактами какой научной области он имеет дело в том случае, если он дает «разрешение, растормаживая условный рефлекс», а учащийся не понимает почему-либо этого разрешения, например, в случае или чужого диалекта, или невнимания испытуемого, или недопонимания им речи и т. под. (все это часто встречается при выслушивании чужой речи)? Конечно, экспериментатор в последнем случае будет всякими комбинациями словесных раздражителей добиваться, чтобы учащийся именно понял его «разрешение» и понял определенно, в желательном для экспериментатора смысле — адекватно мысли экспериментатора; цель при этом и у рефлексолога будет заключаться не в демонстрации словесных раздражителей, а в вызывании при помощи этих раздражителей такого состояния сознания у испытуемого, которое было бы адекватным мысли экспериментатора. «Экспериментатор, — как дальше описывает Иванов - Смоленский, — может просто скомандовать испытуемому: «сожми руку!». Этот речевой раздражитель в течение прошлого опыта, — говорит Иванов - Смоленский, — ребенка стал для него в процессе обучения речи условным

¹⁾ Проф. А. Г. Иванов - Смоленский. «Методика исследования условных слюнных рефлексов у человека», 1928.

²⁾ Op. cit., стр. 24.

сигналом соответственного движения в виде сжимания руки». Ну, а если бы кто-нибудь скомандовал на улице экспериментатору: «ложись на землю», сделал бы он при этом речевом сигнале соответствующее движение или нет?

Возможны, конечно, разные случаи: 1) если экспериментатор выдрессирован по такому условному сигналу делать внешнее движение, то он сделает его автоматически, привычно; 2) если такой дрессировки он не получил, что более возможно, то он попросит объяснить ему такое необычное требование, чтобы оно стало понятным ему. И в зависимости от степени убедительности для сознания нашего экспериментатора доводов лица, произнесшего упомянутые звуковые раздражители, он выполнит или не выполнит это движение после сознательной оценки требования, если, конечно, при этом он не будет вполне последовательным рефлексологом. Повторяем во избежание недоразумений: конечно, во всех случаях и автоматического поведения и сознательного поведения происходят физиологические процессы, которые экспериментальная психофизиология изучает со времени своего основания и не в форме общего суждения: раздражение, переработка и отвод на периферию, а во всей полноте современных сведений о проводящих путях, для чего приходится пользоваться не простой схемой рефлекса, а такими сложными схемами, как, например, описываемая дальше у нас схема Lewy. Различие между схемой проводящих сенсорно-моторных путей Lewy и обычно употребляемой рефлексологами схемой рефлекса приблизительно такое, как различие между современным трактором и сохой.

На основании работ по описанной здесь методике Иванов-Смоленский выставил на первом педологическом съезде такие тезисы: «В то время, как для психолога поведение человека есть внешнее выражение его «душевной деятельности», его «внутреннего» или субъективного мира, для физиолога или невролога поведение есть высшая, сложнейшая деятельность человеческого организма и прежде всего его нервного аппарата: *в первом случае явный или замаскированный дуализм, а во втором — строгий монизм*»¹⁾.

Что это? Или это — выписка из учебника духовной семинарии, где по понятным причинам утверждалось, что поведением сознания ничего не дает изучение нервного аппарата, так как, напр., по Декарту и отцам Сорбонны, сознание и тело имеют целиком разную природу, а не монистическую и материалистическую, как то утверждают, например, марксисты-психологи. Или данный тезис А. Г. Иванова-Смоленского утверждает своеобразное понимание «монизма», при котором научному изучению подлежат лишь физиологические процессы в нервах, а их функция — сознание — научному изучению не подлежит (это чистейший дуализм), подобное утверждение, действительно, повторяли некоторые рефлексологи вслед за А. П. Введенским; тогда станет понятным и то, почему, по мнению некоторых рефлексологов, сознание не подлежит изучению науки: Введенский проникновение в сознание, «чужое одушевление», относил в область веры.

Или предложенный педологическому съезду тезис Иванова-Смоленского является простым недоразумением, требующим своего исправления помощью ясных утверждений по этому вопросу марксизма.

Здесь мы привели еще один типичный пример своеобразного решения современными эмпириками проблемы сознания и его познаваемости.

Мы рассмотрели различные типы исхода эмпирической, экспериментальной, науки при решении ею основного вопроса о сознании и сознательном поведении — являются ли состояния сознания функцией материи

¹⁾ «Основные проблемы педологии в СССР». 1928, стр. 25.

или нет, подлежат ли они изучению, как и все проявления материи, точными методами науки или другими способами. Мы видели, что эмпиризм, восходя к Бэкону и Локку, в XIX веке, когда основные философские направления в их взаимной борьбе усилили внутреннюю консолидацию, стал распадаться; часть эмпириков отошла и отходит к материализму, другая — к идеализму. Небольшая часть эмпириков-ученых и до сих пор полагает, что объективная наука стоит выше философских принципов, а потому эти ученые стремятся оставаться в пределах эмпирии.

Более мощная часть работников экспериментальных наук, все-таки соприкасающихся, хотя бы и в конечном счете, с основными вопросами бытия и его познания, высказывает определенные принципиальные суждения по этим вопросам. Основатель физиологии Иоганнес Мюллер, крупнейший физиолог Дю-Буа-Реймонд, биолог Геккель, физик Мах, химик Оствальд, математик Пуанкаре и другие крупные эксперименталисты нашего и недавнего времени высказывают определенные онтологические и гносеологические воззрения. Пока упомянутые и им подобные ученые держатся простого описания экспериментальных фактов, до тех пор они кое-как могут укрываться от решения общих проблем бытия и познания, но как только дело коснется более крупных обобщений из их экспериментального материала, так тут непременно ученый всегда столкнется с извечными вопросами бытия и сознания, их природы и взаимоотношения. Тем более в таком положении находятся крупнейшие экспериментаторы — психофизиологи, обычно получающие, кроме специальной подготовки, и солидную подготовку биологическую и физиологическую (часто медицинскую), математическую и философскую. Экспериментальный материал, накопленный в томах исследований этих ученых, является ценнейшим материалом для общего прогресса данной науки, как то имеем и в области биологии, физиологии, физики, химии и других наук. Классовый момент в их работе может отразиться выбором исследовательских вопросов, вниманием к определенным сторонам экспериментального материала и другими моментами. Но точные факты эксперимента всегда плодотворно стимулируют как развитие данной науки, так и философскую мысль, опирающуюся на точные факты наук.

«Л. Фейербах обрушился на Иоганнеса Мюллера, знаменитого основателя новейшей физиологии, причисляя его к физиологическим идеалистам»¹⁾. Виднейший физиолог, выдвинувший, например, молекулярную теорию нервных и мышечных токов, Du-Bois-Reymond, был принципиальным и активным агностиком (его лозунг — *ignorabimus* — никогда не узнаем). Общие воззрения Павлова вызвали отповедь Вухарина.

Всякий хоть немного знакомый с биографиями физиологов, физиков и подобных работников, старых и новейших, увеличит данный список, иллюстрирующий уклонения естествоиспытателей в сторону противоположную основной стихии естествознания — материализму. Но разве из этого вытекает, что физиология должна выкинуть технико-методические завоевания И. Мюллера, Дю-Буа-Реймонда, Павлова и др.? Она этого не может сделать, не уничтожая себя. Она может, исходя из этих завоеваний, развить их дальше по новым теоретико-познавательным принципам и тем пережить недостатки полученных прежде экспериментальных выводов, в этом и будет заключаться диалектическое развитие данной науки.

То, что стоит перед современным марксистом-психофизиологом, заключается в использовании огромного экспериментального материала психофизиологии, очистке его, продолжении и расширении его с целью утвер-

¹⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 310.

ждения марксистской науки о сознании, как функции высокоорганизованной материи, — сознании, подлежащем изучению точной наукой так же, как и другие модификации, проявления и состояния материи.

Эмпиризм в науке при встрече с основными вопросами бытия и познания распадается, примыкая по частям к двум принципиальным лагерям, при чем материализм широко использует полученные экспериментальные данные; идеализму же приходится при своих конечных идеологических выводах часто противоречить этим данным и прибегать при этом к мимикрии, разыгрывать из себя материалиста (Джемс — Уотсон и др.) На описанных впереди эмпиристов физиологической марки, занявшихся в исторически недавнее время вопросами поведения человека, большое влияние как раз оказывают идеалисты с мимикрией: защитник «психологии без всякой метафизики» Введенский, «материалист» — прагматист Джемс с Уотсоном, физик Мах и другие.

Два класса расположились враждебными укрепленными лагерями. Важнейший форт между крепостями — это «проблема сознания». Борьба идет за его овладения. «Беспристрастные эмпирики», занимавшиеся изучением сознания или так или иначе соприкасавшиеся с ним, хотя бы и при изучении только внешнего поведения, принуждены жизнью считаться с создавшимся положением и распределяются по основным лагерям. Некоторые при этом путают и попадают не по адресу, полагая, что непризнание наличия сознания и непризнание возможности его научного изучения относятся к принципам материализма. Вопрос познаваемости сознания, как функции материи, общими научными методами изучения материи во всех ее проявлениях и состояниях есть отличительный лозунг материалистического лагеря.

В противовес такому лозунгу мы имеем определенные установки со стороны некоторых психологов Запада и Америки — отказаться от изучения объективной функции сознания, а со стороны преимущественно некоторых физиологов у нас — отказаться от познавания сознания методами естествознания; и та и другая установки направлены против психофизиологии, как науки, и являются по своей сути враждебными марксизму.

Рассмотрим эти установки, направленные против изучения объективной работы сознания и против изучения сознания методами естествознания. Мах, при своих философских воззрениях, определил психологию, как науку, исследующую связи между представлениями. А открытие законов связи ощущений он считал делом физики. Пожелания Маха не осуществились, ибо теперь не физика, а психофизиология основной своей главой всегда имеет главу, излагающую экспериментальные данные, решавшие вопрос об отношении раздражителя и ощущения. Но влияние тенденций, развитых во всей полноте Махом, мы имеем у отдельных психофизиологов или в отдельных трудах их или во всей системе их взглядов.

Старый ассоциационизм вызывает в наше время дружные нападки всех направлений. По нашему мнению, здоровая сторона ассоциационизма заключается в его методологическом положении: наши представления есть копии предметов среды, и их закономерная связь есть закономерность вещей; это положение близко материализму; от него так или иначе не может отказаться никакая реалистическая психологическая доктрина, а тем более — материалистическая.

Но отрицательной стороной упрощенных схем исторического ассоциационизма (Дж. Ст. Милль, Бэн, Спенсер) является его тенденции к параллелизму; новейшие ассоциационисты являются решительными и выразительными сторонниками параллелизма (Рибо, Циген, Эббингауз); физические

явления протекают по совершенно замкнутым в себе закономерностям, как в таком же положении находится и параллельный психический мир. Ассоциационизму нехватает для связывания обоих рядов явлений необратимого принципа: «сознание есть функция высокоорганизованной материи».

Ассоциационизм был связан некоторыми сторонами с позитивизмом. Отсюда он встречал в дальнейшем развитии психологии критику, как со стороны позитивистически развивавшейся дальше экспериментальной психологии, так и специально со стороны философии новейшего идеализма, недовольного позитивизмом и некоторыми материалистическими элементами его, или — чаще — со стороны обоих этих течений вместе. Вундт в своих экспериментальных работах расширил понятие ассоциации до свойств функции, организующей опыт человека («Основы физиологической психологии»): связи в сознании не только простая сумма представлений, но результат переработки отдельных представлений на основе всего накопленного опыта при значительном участии в этой работе эмоций, являющихся, по Вундту, реакциями субъекта на объективное бытие.

Это положение Вундта можно понимать так: восприятие какой-нибудь части бытия завершается включением ее в систему всего восприятия бытия. Это включение совершается по законам мышления, которое, по взглядам материалистов, повторяет при этой обработке закономерности бытия. Те эксперименты Вундта и других психологов, которые вскрывали в работе мышления закономерности, являющиеся отражением закономерностей бытия, составляют вклад и в материалистическую психологию. Но понятие апперцепции у Вундта в заключении его экспериментальных работ теоретически развивалось им в сторону, например, следующих положений его «индуктивной метафизики» (в «System der Philosophie»): «Наше представление есть вместе с тем и предмет представления» (истолкование Спинозы в форме идеалистического тождества), или «нашему познанию ничто недоступно, кроме наших собственных субъективных состояний; существование внешнего мира есть заключение ума, а не что-нибудь данное». Здесь надстройка над экспериментально освещенной апперцепцией ведет к тому, что описал Ленин: «Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее»¹⁾.

Положительная сторона экспериментальных работ Вундта расширяла возможности ассоциационной психологии исследованием не только связей при непосредственном восприятии вещей, но и исследованием тех объективных связей, которые человек замечает только в целом ряде воспринятых предметов; в такой работе человек при восприятии одного предмета вспоминает прежние восприятия, чем-либо связанное с данным предметом, устанавливает общее и различное сопоставляемого ряда предметов, обращается вновь к действительности за проверкой установленной связи, одним словом — пытается уловить закономерности бытия на основе восприятия ряда реальных предметов. При такой работе заметную роль могут играть и эмоции, как индивидуальные реакции данного организма на бытие; эмоции иногда могут исказить восприятие действительности и нахождение ее закономерностей, иногда — помогать такой работе; влияние эмоций на познание подлежит экспериментальному исследованию и учету; исследование такого влияния только способствует уразумению связи нашего сознания с внешним миром, — зависимости форм и содержания сознания от объективной

¹⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 43 — 44.

действительности. Апперцепция же в философском использовании ее Вундтом (а не экспериментальном) ведет к отрыву сознания от действительности.

Джемс, провозгласивши для основной позитивной части своей «Психологии» принцип: «психологию должно излагать, как естественную науку», усиленно в своих исследованиях подчеркивал динамичность сознания, его текучесть — «поток сознания». Динамизм сознания отражает динамизм реальной действительности. Но в отличие от принципов ассоциационизма, «Джемса интересует не сходство между нашими идеями и действительностью, а, напротив, своеобразие и *отличие фактов сознания от внешней действительности*», его интересуют «психические переживания, как таковые, помимо их реальной значимости для познания окружающей нас действительности»¹⁾. Джемс не отрицает определенной значимости психических состояний для познания действительности, но его мало интересует объективная сторона наших субъективных состояний.

У Джемса этот отрыв сознания от действительности вытекает из его принципиальных философских посылок. Для Джемса, как и для Маха и Авенариуса, реальный мир есть «тот же самый субъективный опыт людей, взятый в другом контексте» (в одном контексте этот опыт является мыслью, в другом — вещью). При таких взглядах наука о сознании — психология — должна бы быть единственной наукой о мире; но так как такой вывод противоречил бы реальному состоянию наук, когда психология скорее является частью естествознания, чем всеобъемлющей наукой, то Джемс отводил ведению конкретной психологии исследование только *отличий* переживаемых индивидуумом фактов сознания от того, что он называл внешним миром. По Маху, психология должна исследовать законы связи представлений, а физика — законы связи ощущений. Раз все — сознание, то на долю специальной науки о сознании должно выпасть или исследование «всего», или той относительно небольшой части «всего сознания», которая переживается индивидуумом, в специфическом отличии этого индивидуального сознания от «родового сознания», составляющего, по Джемсу — Маху, мир. Отсюда вытекает для Джемса «испаримость, призрачность» фактического сознания человека, которым он располагает, как функцией организованности его тела и которое подлежит изучению конкретной науки — психологии. С подобными взглядами Джемса находятся в логической связи взгляды «крайнего» бихевиоризма (а не научного): «нет доказательств существования состояний сознания у человека» (Уотсон). Повод к подобным взглядам лежит в описанных впереди тэйлористских настроениях некоторой части американского общества, а источник — в господствующих в Америке идеалистических воззрениях Джемса.

Особенной остроты кажущаяся независимость ответственных моментов работы сознания человека от реальной действительности достигла, по нашему мнению, во взглядах Дильтея и Мюнстерберга. Обычно психология, а в особенности психиатрия, подчеркивают «единство» здоровой личности и ее сознания. Дильтей и Мюнстерберг на исследование этого единства не обращают внимания и широко использовали временное состояние материала экспериментальной психологии, как относительно молодой науки (начало ее обычно ведут от Фехнера и Вундта), именно: данная наука на первых порах ее существования, как и всякая наука, в свой начальный период усиленно занималась *анализом* подлежащих исследованию явлений. Фехнер почти исключительно уделял внимание количественному анализу отдельных видов ощущений, в результате чего он и создал одно из крупнейших

¹⁾ Н. Ланге, «Психология», стр. 53.

психофизических обобщений, устанавливающих отношение между элементарными состояниями сознания — ощущением — и вызывающим его раздражителем (так называемый закон Вебера — Фехнера). Вундт продолжал анализ состояний сознания, но он уже стремился к синтетическим экспериментальным концепциям. За периодом анализа в данной науке естественно должен был идти период синтеза; и, действительно, современное направление экспериментальной психологии — Gestaltpsychologie — является наиболее выразительной установкой на создание синтетических построений в экспериментальной психологии. Но между преимущественно аналитическим периодом в психологии времен Фехнера — Вундта и современным преимущественно синтетическим периодом можно поставить период «критики» психологии Дильтейем и Мюнстербергом.

Дильтей, историк и социолог, нуждался в такой психологии, которая могла бы служить вспомогательной наукой для истории и социологии. Последние науки, по его мнению, имеют дело с активными *целостными* личностями и различными коллективами их, занимающими определенные деятельные позиции, борющимися между собою и т. д. А между тем, по мнению Дильтея, физиологическая психология разлагает целостное состояние сознания живой личности на ряд элементов и физиологически объясняет их. При таком методе исследования, по мнению Дильтея, деятельная личность разрушается или разлагается. Сам Дильтей пытался построить так называемую описательную психологию, удовлетворяющую его требованиям¹⁾.

То, что Дильтей усиленно подчеркивал необходимость скорейшего развития социальной психологии в законченную науку — это было положительной стороной его критики; то, что он восставал против физиологической психологии — это было опасной стороной для положительного развития данной науки; критика Дильтея близка взглядам Гуссерля, направленным против экспериментальной психологии: «Заблуждение экспериментальной психологии, — утверждает Гуссерль, — заключается в том, что она физико-химический метод принимает за единственно научный метод; естественно-научные методы могут быть применяемы к психологии только тогда, когда окажется, что психологические процессы — явления такого же порядка, как и материальные явления», с чем, конечно, идеалист Гуссерль решительно не соглашается.

Последовательный идеалист ясно видит, что естественно-научный метод современной психологии приводит к утверждению: «психологические процессы — явления такого же порядка, как и материальные явления». Психология и может последовательно развиваться, как наука, исходя из сейчас иронически указанного Гуссерлем понимания природы своего объекта. Научность и успехи социальной психологии возможны при употреблении тех только научных методов, которые отрицал Гуссерль, и при том же взгляде на природу объекта исследования, который эти методы предполагают. Дильтей видел ошибку психологии в том ее научном методе, отказ от которого являлся бы самоубийством для данной науки.

Что касается целостного характера поведения личности, за отсутствие исследования которого шлет упрек Дильтей, то надлежит заметить, что, по нашему мнению, основанному на экспериментальных данных современной психофизиологии, никаких иных реакций у человека и не может

¹⁾ Предпосылки ее даны в работе «Beiträge zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität...» «Описательная психология» вышла потом отдельной работой. Есть русский перевод: В. Дильтей. «Описательная психология», Москва, 1924.

быть, кроме целостных¹⁾. То, что исследовали Фехнер, Вундт и другие психофизиологи — процессы ощущений, памяти, внимания, восприятия, мышления, эмоций и т. п. — являются целостными, большего или меньшего объема, реакциями организма. Экспериментальная психология, как и всякая наука, на своей заре начала изучение своего объекта — целостных реакций организма (а иных и не может быть) — с целостных реакций малого объема — простых целостных реакций (ощущение, память, внимание и т. п.) с тем, чтобы дальше перейти к целостным реакциям больших объемов — сложным формам типичного социального поведения, к необходимости исследования которых и сводилось требование Дильтея.

При этом надлежит помнить, что все сознательные реакции человека, как впереди указывалось, социогенны, т. е. определяются в организме данной структуры социальными факторами. Если мы возьмем, например, исследование эмоциональных реакций в лаборатории, то эти реакции качественно ни в физиологическом, ни в психологическом, ни в социологическом смысле не отличаются от эмоций типичного социального поведения, о котором говорит Дильтей; для обоих случаев эмоций необходим определенный физиологический аппарат (сосудистая, эндокринная и др. системы); оба случая имеют определенные психологические направления (удовольствия — неудовольствия напряжения — разрешения и т. п.). Оба случая эмоций выделяется, в конечном счете, социальными факторами: чувство страха, вызванное в лаборатории наведенным на испытуемого револьвером, в конечном счете, определяется его социальным опытом; исследованные нами в допре «хулиганы» почти все положительно реагировали на художественные картины сельской природы; объяснение лежит в социальном факторе: частью в происхождении испытуемых (крестьяне) частью — в состоянии «тоски» по свободе, олицетворяемой природой, видимой через окна за стенами тюрьмы. Эмоции, исследуемые в психофизиологической лаборатории, и эмоции, входящие в состав реального социального поступка испытуемого, есть состояния качественно однородные; возможно здесь лишь объемное, количественное различие, которое также подлежит психофизиологическому исследованию, как такому же исследованию подлежит поведение человека в одиночку и поведение его в коллективе.

Близко к основным психологическим воззрениям Дильтея стоят взгляды Мюнстерберга; по мнению последнего, «психология, как наука объективная, может быть только физиологической, но в таком объективном виде она не имеет никакой цены ни для истории, ни для нормативных наук (юриспруденции, этики, педагогики, эстетики, логики); мало того, такая единственно возможная в качестве объективной науки психология изучает не действительную, реальную психическую жизнь, а некоторую научную фикцию, именно душевные явления, как оторванные от их реального волевого субъекта»²⁾. В этой характеристике мы имеем аналогию к идеалистическим воззрениям Виндельбанда и Риккерта, согласных с Дильтеем и разделивших все науки на два различные по методу и направлению отдела: естествознание и исторические науки (или науки о «духе»). Дальнейшим развитием подобных взглядов на интересующий нас вопрос являются вышеприведенные взгляды Гуссерля, считающего в корне ошибочным взгляд психологии на свой объект изучения, который так необходим истории, как на объект материального порядка. Выделение указанными идеалистическими философами

¹⁾ См. об этом подробнее в нашей и В. А. Лавровой работе — «Психофизиологическое исследование труда телеграфистов - клонферистов».

²⁾ Мюнстерберг. «Grundzüge der Psychologie».

и психологами науки о сознании в особый отдел путем разрыва связи этой науки с естествознанием основывается на специфической «критике» экспериментальной физиологической психологии (у нас часто против этой психологии повторяют возражения идеалистов, считая их за материалистические).

Эта критика утверждает, что наука может заниматься вполне правомерно, с точки зрения идеализма, изучением только физиологических явлений в организме (условных рефлексов и т. п.), но не психофизиологических состояний. Возможность изучения психофизиологических состояний есть точка зрения в основе материалистическая.

Для защиты идеалистической точки зрения критики психофизиологии усиленно разделяют работу сознания на «объективную» и «субъективную» (то же делают и «критики» психологии в Союзе), стремясь в конечном счете к тому отношению к проблеме сознания, против которого предупреждал Ленин, когда «ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира».

В работе сознания имеются моменты чисто индивидуальные, которые, во-первых, науке надлежит знать, а во-вторых — на основе этого знания элиминировать их от объективной работы. Позитивная сторона критики ассоциационизма, основанная на эксперименте и наблюдении у таких мастеров этих научных приемов, как Вундт и Джемс, расширяла наши сведения об особенностях работы сознания, но эти же работы своим вниманием к необъективной стороне работы сознания давали толчок разбираемой здесь тенденции идеалистической философии. Сами Вундт и Джемс, будучи представителями строгого эксперимента в духе естествознания в позитивной части своих работ, в философской — являются определенными идеалистами, а Джемс — даже типичным мистиком. Философские воззрения Вундта, Джемса являлись надстройкой над добытыми ими экспериментальными фактами — надстройкой в пользу общей идеологии данных ученых. Современная экспериментальная психология должна знать индивидуальные моменты в работе сознания, в целях всестороннего его изучения и, главным образом, в целях элиминирования тех моментов деятельности сознания, которые мешают его объективной продукции.

Принципиальные идеалистические направления в психологии сосредоточивали главным образом свое внимание на этой сугубо-субъективной стороне деятельности сознания, как наиболее их интересующей с точки зрения их общего мировоззрения, относя к ней и очень важные объективные моменты в работе сознания.

Штумф выдвигает на первый план свое понятие «функции» в отличие от понятия «содержания» сознания; к последнему он относит материал, который преимущественно интересовал ассоциативную психологию — ощущения, представления, простые чувствования, а в объем первого понятия он вносит такие процессы, как образование понятий, суждения, сложные чувства, желания и т. п. Липпе последние процессы называет «актами». Такое деление в значительной степени произвольно, но производится в угоду усиленному подчеркиванию утверждаемой данными идеалистическими направлениями независимости, автономности работы сознания от окружающего объективного мира.

Психологическим воззрениям Штумфа приходится уделить больше внимания, так как Штумф является главным представителем немецкой функциональной психологии (надлежит отличать от американской функциональной психологии, идущей за Джемсом и расходящейся со взглядами Штумфа). Некоторые понятия функциональной психологии сделались

предметом обсуждения и на страницах философской печати в Союзе; упомянутая уже книга Варьяша «История новой философии» уделяет целую главу («Базис и психология») триаде: действие — содержание переживания — психическая функция. Разбирается эта триада в связи с известным письмом Энгельса к Мерингу. В этом письме Энгельс говорит об отношении бытия к сознанию следующее: «Я должен указать только, что не хватает одного пункта, на котором ни Маркс, ни я в своих работах не останавливались достаточно подробно. В этом отношении мы все виноваты одинаково. А именно, мы переносим и должны были переносить центр тяжести на то, чтобы вывести политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из экономических основных фактов. При этом из-за содержания не обращали должного внимания на формальную сторону, каким образом эти представления и т. подоб. возникают». И дальше Энгельс уточняет свою мысль: «Человек имеет дело исключительно только с материалом мыслительным . . ., он считает, что этот материал порожден мышлением . . ., так как всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления . . . На эту сторону дела . . . все мы обратили внимания меньше, чем она этого заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Я сам это делал, как уже сказано, и ошибка бросилась мне в глаза уже после». Эти слова Энгельса являются прямым требованием по адресу марксистов заняться в науке психологии исследованием вопроса, каким образом возникают разнообразные представления, понятия, суждения и т. д. под воздействием экономических фактов¹⁾, требование, далеко не исполненное уже хотя бы потому, что у нас нашлись и такие «марксисты», которые самую науку психологии подвергают сомнению.

На основании вышеупомянутых суждений Энгельса, приведенных А. Варьяшом в своей книге, он делает такой вывод: «Энгельс счастливым чутьем гениального исследователя предначертал путь для плодотворнейших исследований. То, что он называет формальным исследованием, в современной психологии называется обычно исследованием психологических функций. В области психологических явлений различают целый ряд этих функций: ощущение, восприятие, воображение, память, представления, понятия, чувства, аффекты, волевые акты и т. д.»²⁾. «Психический акт (функция), — продолжает уяснять это понятие Варьяш, — представляет собою такое реальное переживание, наличность которых сообщается нам в восприятии следующей более высокой ступени, нежели само содержание акта». Нельзя назвать это определение вполне ясным, да в нем как раз и чувствуется то разделение наших переживаний на «содержание» и «функции», которое составляет характерную черту учения Штумфа. Дальше Варьяш определенно ставит задачу, которая стоит перед марксистской критикой функциональной психологии: «Нужно вывести психические функции из содержания переживаний». Мы бы только предпочли более решительную формулировку данной проблемы Лениным: «Для всякого материалиста законы

¹⁾ Этот вопрос разрешает, кроме психологии, и ряд социологических наук, например, общая история, история литературы и друг. В истории литературы нами, например, на основе приведенного здесь общего принципа Энгельса произведены следующие исследования: «Социально-экономический момент в творчестве Островского» (сборн. «Островский», изд. Укр. Гос. Издата, 1923) и «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени: к социологии творчества». Но эти работы, как и подобные работы других исследователей, нас убедили в том, что они нуждаются, как это подчеркивает и Энгельс, в предварительных социально-психологических исследованиях.

²⁾ Варьяш, *op. cit.*, 36.

мышления отражают форму действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются, с этими формами»: здесь под закономерными формами мышления разумеется, по нашему мнению, то, что можно назвать условно «функциями», и вместе с тем указана зависимость форм психического переживания — функций — от «форм действительного существования предметов». У Варьяша мы имеем дальше неясное для нас место: «Из одних только психических содержаний вывести психические функции несомненно нельзя. Но если мы примем, — продолжает Варьяш, — кроме того, теорию ступенчатой структуры сознания, то мы, очевидно, получим все необходимые и достаточные условия для такого выведения. Согласно нашему определению функции, — говорит Варьяш, — она представляет собою предмет для акта третьего порядка, и, таким образом, сама она относится ко второму порядку переживаний, как ее предметам». Если под ступенчатостью у Варьяша разуместь его ряд: действие — содержание переживания — функция, то надлежит четко отграничить этот ряд от триады Штумфа: явление — образование — функция¹⁾.

Честь постановки на очередное обсуждение в наше время проблемы, выдвинутой Энгельсом, принадлежит Варьяшу. Но важность проблемы требует предварительных исторических справок. Понятие функции, отношения ее к содержанию опыта и действительности пушено в ход в определенном освещении Штумфом. К «явлениям» Штумф относит «содержание чувственных ощущений и образы памяти (явления второго порядка); «к психологическим функциям (актам, состояниям, переживаниям) он относит «подмечивание» («Bemerken») явлений и их отношений, соединение явлений в комплексах, образование понятий, акты понимания и суждения, движение чувств, желание и хотение». К этим основным группам Штумф присоединяет еще то, что он называет «образованием» из психических функций. «Смещение образований с функциями представляет ошибку не менее важную по последствиям, чем смещение их с явлениями (или предметами)» — предупреждает Штумф своих последователей. Под «образованиями» Штумф разумеет то, что в последнее время стало центральным понятием для Gestaltpsychologie, а именно: «качество формы», «структуру». «Под образованием нужно понимать, — говорит Штумф, — то, что отличает мелодию, пространственную фигуру или какую-нибудь другую множественность явлений, воспринимаемую, как одно связанное целое, от множества одинаковых в других отношениях и одинаково распределенных явлений, которые, однако, не соединяются сознанием в одно целое». Такая совокупность, по Штумфу, «не есть ни сама объединяющая функция, ни соединимый материал. Это необходимый коррелят объединяющей функции». Каково же отношение между членами триады Штумфа: явление — образование — функция? «Явления даны нам в логической независимости от функций, между тем как образования даны нам в логической зависимости»²⁾ — утверждает Штумф.

Против чего борется Штумф? «Мышление, — говорит он, — в понятиях *оказывается* также во всех своих операциях (аналитических, синтаксических и т. д.) гораздо более *независимым от явления* (images), чем принимала и долгое время учила нас ассоциационная психология»³⁾. Что касается, например, такой функции, как образование понятий, то, по Штумфу, «ясно одно: что они не могут быть сведены ни к простой сумме,

¹⁾ См. статью Штумфа «Erscheinungen und psychische Functionen»; есть русский перевод П. О. Эфруси, сборн. IV «Новых идей в философии», стр. 85 — 92.

²⁾ Штумф. Сборник IV «Новых идей в философии», стр. 91.

³⁾ Op. cit., стр. 81.

ни к простому среднему из отдельных представлений. Вообще явления и психические функции не связаны логически необходимо друг с другом»¹⁾. «Вместо «протяженность и мышление», — продолжает Штумф, — мы говорим в более общей форме — «явления и психические функции». В самом деле, в этом пункте ни Спиноза, ни позднейшие философы, действительно, не преодолели дуализма Декарта»²⁾. Штумф как будто рад наличию у Декарта дуализма, ибо этот дуализм поддерживает его главное положение: «Содержание и функция друг с другом связаны, но не сводимы одно к другому». И Штумф находит в сознании некоторую ступенчатость: образования — функции; но у него функции от ощущений разделены не просто ступенью, а пропастью; это два различных мира. Штумф стремится не «преодолеть» дуализм, а использовать его, как довод, в пользу своей теории. Он даже возражает Маху на то, что тот не знает «другого бытия, кроме бытия явлений», хотя и для Штумфа «явление есть содержание чувственных ощущений». Но Штумф недоволен тем у Маха, что у последнего «явления — единственные «элементы» вселенной; ни за, ни перед, ни над ними нет ничего ни физического, ни психического, что не входило бы без остатка в явления». Штумф не доволен тождеством у Маха, он предпочитает дуализм, по крайней мере, для своей функциональной психологии. Мах же признавал единую закономерность для физики и психологии. Ведь это могло повести к такому случаю: понятие Маха об ощущении, как единственном «элементе» вселенной, могут отбросить, и тогда останется опасное для идеализма утверждение: сознание не первично, оно изучаемо методами физики.

Штумф пытается установить положения: высшие формы деятельности сознания — функции — извечны, а не выводимы из действительности (даже в понимании последней Махом и Штумфом) и из ее отражения в сознании в форме ощущений. Высшие формы сознания — мышление — не выводимы из низших ощущений. При таких взглядах нечего и говорить в функциональной психологии Штумфа о том, что «законы мышления совершенно сходятся, а не различаются с формами действительного существования предметов». Тут не только «ощущение стало стеной, отделяющей сознание от внешнего мира», а прибавилась на всякий случай и вторая стена, отделяющая с удвоенной силой мышление от действительности.

На изучение ощущений во времена Штумфа, только недавно оставшего кафедру психологии в Берлинском университете, были распространены законы действительности. Сам Штумф много поработал над изучением звуковых ощущений методами физики (его капитальный экспериментальный труд «Tonpsychologie»). Методы естествознания в экспериментальной психофизиологии захватывали в свои цепкие возможности психику. Штумф поддался влиянию времени, но до определенного предела: методы естествознания не должны быть распространены на высшие психические функции — образование понятий, суждения и т. п. У Штумфа сделана попытка сопротивляться наметившейся тенденции в психологии вывести методами психофизиологии все формы сознания из закономерностей окружающей действительности. Против этих методов в психологии решительно восстал в наше время сравнительно молодой профессор идеалистической философии Гуссерль. Штумф попытался ограничить их пределами изучения только ощущений. Высшие формы сознания должны изучаться не как «превращение энергии внешнего раздражения в факт мысли», а как

¹⁾ Op. cit., стр. 66, 80.

²⁾ Op. cit., стр. 65.

заменитой в себе мир особой сущности. Аргументация при этом такова: строится ряд последовательных форм сознания: ощущение — образование — функция; разрывается этот естественный усложняющийся ряд работы сознания пропастью между функциями и ощущениями. В то время, как естественным ходом развития психофизиологии складывались и намечались к разрешению следующие проблемы, — каким образом такие формы сознания, как восприятие сложных предметов и их рядов, образование понятий, понимание, суждение и т. п. «функции», связаны с формами действительного существования предметов, — в это время теория Штумфа стремилась помешать психофизиологии в решении этих проблем, так необходимых, по словам Энгельса, для понимания общественного процесса в целом, как со стороны выведения идеологических представлений из основных экономических факторов (проблема содержания), так и со стороны исследования самого процесса возникновения этих представлений (проблема психологической формы). Бесспорно прав Варьяш, когда утверждает: «Нужно вывести психические функции из содержания переживаний». К его словам мы прибавим: «И дальше из фактов общественно-экономической жизни, породивших эти переживания». Но имеет свою опасность при решении этой проблемы «теория ступенчатой структуры сознания» Варьяша, как об этом можно судить по теории Штумфа.

Нам кажется, что для решения поставленной Энгельсом психологической проблемы принципиально более выдержана старая, простая и ясная формула — «бытие определяет сознание», чем трехчленная формула Варьяша, напоминающая Штумфа: «действие — содержание переживания — функция».

«Сознание вообще отражает бытие, это — общее положение всего материализма. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо» (Ленин). Способность сознания более или менее точно отражать действительность может изменяться в зависимости от условий индивидуального, родового и общественного развития. Одно какое-нибудь индивидуальное сознание способно лишь к непосредственному восприятию отдельных предметов и ближайшей ассоциативной связи воспринятых предметов; другое способно видеть и выделять в воспринимаемых предметах более общие реально существующие в них признаки; третье сознание способно находить в ряде восприятий предметов мира то общее, что называется закономерностью ряда вещей, а то — и целого мира.

Сознание людей способно отражать вещи и их закономерности, но в различной степени, в зависимости от индивидуальных свойств организма. Здесь мы имеем проблему дифференциальной психологии. На работу сознания, как в его содержании, так и в его формальных функциональных качествах, оказывает решающее влияние общественное бытие; оно упражняет преимущественно одни функции и оставляет бездеятельными другие; и мы имеем различные классовые и групповые миропонимания и мироощущения. Здесь мы имеем проблему социальной психологии, которую подчеркивает Энгельс. Наконец, филогенетическое развитие мышления у человека и высших животных, изучению которого незаменимую услугу оказывает сравнительная психология, покажет возникновение различных последовательных по сложности «функций» сознания. Из первоначальной «раздражимости» органического вещества возникают такие формы отношения к действительности у простейших животных, как таксисы и тротизмы; у животных, имеющих элементарную нервную систему, это отношение складывается в форме рефлекса. Отраженный удар с сильно возбужденной рефлекторной дуги при определенном, довольно сложном уровне

развития организма и его нервной системы, дает форму относительно быстрого видоизменения поведения под влиянием короткого жизненного опыта: клевание цыпленком ядовитого червяка один раз приводит его в последующем к удержанию от этого клевания, как то описал Морган. Такая форма поведения предполагает, по Моргану и Торндайку, наличие эмоции и элементарной ассоциации. На некоторой ступени развития у одних животных возникает функция «идеации», по Церкву, т. е. способность образовывать элементарные понятия, у других — способность действовать по воспоминанию (опыты Hunter'a), и т. д. и т. д., восходя к функциям сознания у человека. Предстоит еще большая задача экспериментальной психологии животных и человека. «Остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям» (Ленин). И уже произведенные исследования показывают, что возникшие у животных под влиянием бытия психические функции остались и развились дальше только потому, что они были не чем-то отличным от «содержания», а отражением различных признаков вещей и закономерных отношений действительности. «Функции» тоже, как и ощущения, есть отражения бытия, но не столько в форме непосредственного восприятия отдельного целостного предмета, сколько в форме восприятия закономерностей многих рядов предметов и их признаков, а то и всего бытия. Эта способность у различных людей, их классов и групп, и у различных животных различна количественно, что приводит и к качественной характеристике функций. Принципиально «для всякого материалиста законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами» (Ленин). Функции имманентны содержанию, неотъемлемы от него; содержание же со всеми функциями в организме данной высоты развития определяется бытием, окружающим организм.

Исходя из формулы «бытие определяет сознание», можно в целях анализа прибегнуть к расчленению бытия и сознания. «Бытие, непосредственно воспринимаемое в данный момент», дает в сознании «ощущение и восприятие». «Бытие, воспринятое в прошлом», дает функцию сознания — «память», в ее специфических особенностях, ибо уже в восприятии есть элементы прошлого опыта. Сочетание того и другого вида бытия ведет в деятельности сознания к функции мышления, как систематизации всего воспринятого бытия и проверки его действительностью. Проекция настоящего и прошлого бытия в будущее дает в сознании функцию предвидения — воображение — в широком смысле, включая сюда и необходимое мышление, поскольку проецируется в будущее систематизированное и сверенное с действительностью воспринятое бытие. «С марксистской точки зрения, — говорит А. Деборин, — идеал есть та же действительность, но в ее более развитом, развернутом виде, это — *действительность завтрашнего дня*, как говорит Плеханов, действительность на более высокой ступени ее развития. То, что должно быть, это то, что есть, но еще не в полном, развитом виде»¹⁾.

Из особенностей расчлененного здесь бытия, как видно, вытекают и соответственные особенности вызываемых им различных форм сознания, различных его функций.

¹⁾ А. Деборин. Статья «Ревизионизм под маской ортодоксии». «Под знаменем марксизма», № 1, 1928, стр. 8.

Приведенная здесь схема захватывает лишь познавательную деятельность человека. Вся полнота сознательного поведения человека уясняется все той же основной двухчленной формулой — бытие определяет сознание — в диалектическом освещении ее. Об'ективно воспринимаемое бытие вызывает описанную сейчас познавательную деятельность во всем ее разнообразии функций (тезис); суб'ективная реакция организма на об'ективно воспринимаемое бытие ведет в сознании, понимаемом в широком смысле, к такой функции его, как эмоция (антитезис¹); результатом взаимоотношения об'ективно воспринимаемого бытия и суб'ективной реакции на него организма является та целостная деятельность организма, которой мы даем название волевой деятельности (синтез); «целесообразная воля, выражающаяся во внимании, — говорит К. Маркс. — необходима во все время труда», как типичной и господствующей формы деятельности человека. (Регрессивные волевые акты, дошедшие через повторение до автоматической привычки, и есть условные рефлексы). Задача Энгельса и заключалась в требовании исследовать, как об'ективное общественное бытие, определяя познание человека, влияет дальше на его суб'ективные реакции — эмоции — и в заключение вызывает то или иное сознательное поведение (волю); при чем приведенное здесь расчленение сознания на функции есть абстрактное расчленение; в каждом конкретном акте сознания отдельные функции могут образовать целостный акт; преобладание той или иной функции дает характеризующие данный акт его отличительные особенности. Огромное разнообразие сознательных форм поведения зависит от многочисленных возможных комбинаций из перечисленных основных функций. Свести все разнообразие сознательных форм поведения, хотя бы и условно, к понятию условного рефлекса было бы упрощением стоящих перед марксистской психологией задач, о которых говорил Энгельс. «Величайшим заблуждением и пагубнейшим упрощением великой проблемы познания является отождествление всего сложного содержания мышления к его элементарными формами проявления. И это сказано и о слюнной реакции!» — сказано марксистом, уделившим заметное внимание условным рефлексам (приведенное сейчас предупреждение принадлежит Л. И. Аксельрод, см. ее предисловие к книжке Рахмана «Джон Локк», трактовавшей условные рефлексы в расширительном смысле).

Решительно борясь против «стены», отделяющей как ощущение, так и высшую форму его — мышление — от внешнего мира, мы должны избегать приемов трактования «функций» у Штумфа через трехчленное деление. Разнообразие функций сознания — это есть отражение в сознании всего разнообразия форм действительного существования предметов реального мира. Общей формулой этого отражения является двухчленная формула: «бытие определяет сознание». Проблема, выдвинутая Энгельсом и напоминание которой принадлежит Варьяшу, решается через эту формулу, по нашему мнению.

Продолжая наш обзор психологических теорий современности, мы должны упомянуть о взглядах Наторпа.

Такой идеалист, как неокантианец Наторп («Общая психология» т. I, 1912 г.), во имя своих общих взглядов протестует против самой попытки построить об'ективную психологию (и в этом с ним соглашаются у нас в России некоторые «критики» психологии): «Мы, — говорит Наторп, — ныне вновь явно склоняемся к признанию, что предметом психологии должно

¹) Интеллектуальная деятельность и эмоциональная часто находятся в отношении противоположности: сильная работа эмоций ослабляет работу интеллекта, и наоборот — сильная работа интеллекта ослабляет работу эмоций.

быть чисто субъективное, индивидуальное, и в этом смысле резко противопоставим ее объективному естествознанию». (Для Вундта, Джемса и других экспериментальных психологов «психологию должно излагать все же как естественную науку»).

Определенная идеологическая установка идеалистических философов при оценке ими экспериментальных данных, добытых в последнее время положительной работой психологии, понятна, это — стремление подчеркнуть в работе сознания «чисто субъективное, индивидуальное», а не объективное и общее. Такая установка противоположна материалистической точке зрения, усиленно характеризующей работу сознания с таких противоположных сторон: «Первая посылка теории познания несомненно состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущение»; «ощущение открывает человеку объективную истину»; «господство над природой есть результат объективно верного отражения в голове человека явления»; «для всякого материалиста законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами» (Ленин¹); хотя отдельные конкретные сознания способны отражать действительность и ее закономерности не во всей возможной полноте.

Исходной точкой для идеалистических установок на «чисто субъективную, индивидуальную сторону» работы сознания являются некоторые моменты в этой работе. Качество конкретных случаев работы сознания является продуктом внешней действительности и индивидуальных состояний организма. Последние состояния могут при некоторых условиях на некоторое время мешать тому, чтобы «ощущение способно было отражать истину».

Потому — то психолог и обязан исследовать, как давно указывал, например, Н. Н. Ланге, в составе наших переживаний то, что не пригодно и не нужно для построенной объективного естествознания. Иллюзия чувств, область кажущегося и мнимого, неопределенного и неясного, иррационального в мышлении, субъективного в чувствованиях и желаниях также являются предметом изучения для психолога. Такая работа необходима, с одной стороны, для элиминирования чисто индивидуальных моментов в объективной работе сознания, а с другой стороны, для борьбы против идеалистического отождествления психического и физического, проповедываемого Махом, Авенариусом и др.

С другой стороны, познание закономерностей действительности не есть только непосредственное ощущение, а подчас длительная и напряженная обработка этих ощущений по законам мышления, которые «совершенно сходятся, а не различаются с формами действительности» (Ленин). Непосредственные ощущения не дают еще достаточного материала для знания закономерностей действительности.

Наблюдение объективных закономерностей требует постоянной и часто длительной сверки наших ощущений и их вторичных продуктов — представлений, понятий, суждений и т. под. с действительностью. «Если мы на основании прежних наших соприкосновений с вещью составили себе такое представление об ее свойствах, которое не соответствует действительности, то рано или поздно мы почувствуем это несоответствие при новых столкновениях с нею» (Плеханов). Поэтому не всякая работа сознания отражает объективную истину во всей полноте. «Сознание вообще отражает бытие, это общее положение всего материализма». Но «отражение

¹) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 122, 126, 244, 367.

может быть верной приблизительно копией отражаемого, о тождестве тут говорить нелепо. Крестьянин, продавая хлеб, вступает в общение с мировыми производителями хлеба на мировом рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена»¹⁾.

Из всего изложенного вытекает: те реальные состояния сознания, которые психология Джемса, Штумфа, Наторпа и им подобных считает главным предметом своего изучения, все же подлежат изучению в своих особенностях методами психофизиологии, но не с самодовлеющей целью, а ради или определения их влияния на объективную работу сознания при нахождении закономерностей действительности, или ради элиминирования некоторых чисто индивидуальных моментов при этой объективной работе сознания. Чтобы отличить «субъективное» в отрицательном смысле от объективной работы сознания, надлежит изучать все без исключения формы сознания в их отношениях к внешнему миру.

Объективный эксперимент в психологии вступил в конфликт с идеалистическими установками в ней. Теперь уже определенно обозначились противоречия современной экспериментальной психологии и идеалистической философии. Эту принципиальную непримиримость, кроме предшествующих примеров, мы можем иллюстрировать на примере взглядов на экспериментальную психологию одного из наиболее популярных в наше время в Европе идеалистов — Эд. Гуссерля, с одной стороны, и на методологических взглядах, например, одного из насадителей экспериментальной психологии в России — Н. Н. Ланге, с другой стороны.

«Философия Гуссерля является сейчас в молодых буржуазных философских кругах философией *par excellence*, единственной философией» — констатирует марксистский исследователь этой философии В. Юрнец²⁾.

Гуссерль с современной философии Европы видит хаос. В чем же Гуссерль со своей точки зрения видит причину хаоса? По крайней мере, одну основную причину несостоятельности идеалистической психологии он видит в том, что «философия старалась подражать приемам естественных наук». В чем залог победоносного шествия естественных наук? — спрашивает Гуссерль и отвечает: «В том, что они нашли себе в механике тот прочный фундамент, который позволяет им строить свое здание до бесконечности. И философия старалась найти такую основную науку. Такой основной наукой стала для современной философии психология. Как мог возникнуть психологизм? — Ответ не труден: философия является наукой о бытии. Вопрос о возможности познания его должен стоять на первом плане. Но вопрос познания и его возможностей и границ — это вопрос сознания и его действий. Прежде чем познание объективируется в некоторых законах, построенных по определенным логическим нормам, оно является состоянием сознания и подчиняется его законам».

«Английская психология (ассоциативная) работала еще довольно грубыми методами. Экспериментальная психология порвала совсем с традициями прежних эмпирических психологических школ. Она отвергает даже «самонаблюдение», как не нужный, не научный пережиток, и стала строгой естественной наукой, пользующейся методами и приемами,

¹⁾ Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 329 — 330.

²⁾ «Под знаменем марксизма», 1922, № 11 — 12, стр. 62. Статья В. Юрнца «Эдмунд Гуссерль». Психологии Гуссерль касается в своих «Логических исследованиях» — рус. перевод Э. Бернштейна под ред. С. Франка — и в статье «Философия как строгая наука». О Гуссерле имеется огромная иностранная литература (Natorp'a, Meinong'a и др.); на русском языке, кроме работы В. Юрнца, работы Яковенко и Шцета; о них см. статью Юрнца.

свойственными всем точным наукам. Ее идеи — чисто лабораторное исследование. Отбросив понятие души, она становится психофизиологией — ищет для каждого психического явления соответствующую физиологическую подоплеку и впрягает, таким образом, самодовлеющую до сих пор психическую жизнь в единый механизм подчиненного законам причинности становления. Сознание натурализуется вполне. Психология, бывшая «наука о духе», превращается в естествознание сознания¹⁾). Так характеризует Гуссерль современную экспериментальную психологию, основные направления которой далеко не всегда материалистические, как мы впереди упомянули.

Как же современный неопеалист относится к описанной им экспериментальной психологии? «Натуралистический психологизм или психологический натурализм не выдерживают, по мнению Гуссерля, ни малейшей критики. Главное заблуждение экспериментальной психологии заключается в том, что она физико-химический метод принимает за единственный научный метод. Естественно-научные методы могут быть применимы к психологии только тогда, когда окажется, что психологические процессы — явления такого же порядка, как и материальные явления» — заявляет главный свой довод против экспериментальной психологии Гуссерль.

И действительно, этот довод упрекает в противоречии, с одной стороны, тех экспериментальных психологов, которые применяют специфичную для своей науки методику, не исходя из предполагаемого его представления о психике, как определенном состоянии материи. Из этих же слов Гуссерля можно видеть и генетическую оценку суждений тех «критиков» психологии у нас, которые отрицают на основе, якобы материализма, ее научные возможности при марксистских принципах и разработанной экспериментальной методике; такие критики обычно, если не повторяют Гуссерля (а философских сведений у них часто нехватает), то повторяют более доступного им и распространенного Введенского (Енчмен, Протопопов).

Последовательный психолог-эксперименталист в своей работе, уже как специалист, идя по путям, проницательно описанным выше Гуссерлем, приходит к принципам, отрицаемым идеализмом: «психологические процессы — явления такого же порядка, как и материальные явления» или, по меньшей мере, приходит к близким принципам.

У нас в России один из насадителей экспериментальной психологии — Н. Н. Ланге — около 1914 г. печатно, а раньше устно — в университетских лекциях, в борьбе против психологических взглядов идеалистов Маха и Наторпа выставлял ряд методологических положений, близких принципам марксизма. «Идеализм Маха, — писал давно Н. Ланге, — не удовлетворяет требованиям психологии. Биологическая психология, рассматривая сознание, как функцию животных организмов, необходимо предполагает, что было время, когда еще никаких организмов, ни их сознания вообще не было. Она, следовательно, предполагает, что сознание лишь возможно в некоторый момент истории физического мира. Физический мир не есть для психологии лишь факт в сознании, но, напротив, сознание есть факт, возникший в физическом мире. Признание реального физического мира, независимого от сознания, есть необходимый постулат психической науки²⁾).

«Идеалистическая теория познания, — продолжает Н. Н. Ланге, — вообще непригодна для психологии, именно психологии биологической

¹⁾ Цитируем здесь и далее взгляды Гуссерля в талантливом и живом изложении их В. Юричем в упомянутой статье, стр. 69 — 70.

²⁾ Н. Н. Ланге. «Психология», «Итоги науки», стр. 32.

и генетической, потому что этот идеализм выводит физический мир из сознания, тогда как психология предполагает возникновение сознания из физического мира, вместе с появлением в нем животных организмов. Для биологической психологии необходим реальный физический мир, существующий до всякого сознания, помимо его и вне его, а не только мысли или представления об этом мире в сознании, которым довольствуется идеализм»¹⁾).

Н. Н. Ланге, как последовательный психолог-эксперименталист, проповедывал с кафедры почти одновременно мысли, совершенно сходные со взглядами В. И. Ленина, борového тогда против идеализма Маха в особенности. «Для материалиста,— писал Ленин,— «фактически дан» внешний мир, образом коего являются наши ощущения. Для идеалиста (Маха и др.) фактически дано ощущение, при чем внешний мир об'является комплексом ощущений»²⁾. «Основной для материализма вопрос» есть вопрос «о существовании вещей вне нашего сознания, вызывающих ощущения своими действиями на органы чувств»³⁾. «Махисты есть суб'ективисты и агностики, ибо они недостаточно доверяют показаниям наших органов чувств. Они не признают об'ективной независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой об'ективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма»⁴⁾. Здесь приведены основные положения Ленина в его борьбе против идеализма Маха.

Сходство основного характера оценок взглядов Маха у Н. Н. Ланге и В. И. Ленина весьма близкое. Н. Н. Ланге при этом исходит из последовательного развития основных принципов своей науки — экспериментальной психологии, В. И. Ленин исходит из принципов материализма. Две разные исходные точки зрения приводят к одной оценке взглядов Маха и вообще идеализма, вследствие своей внутренней близости.

Сам В. И. Ленин, борясь против воззрений Авенариуса — Маха, подчеркивает, что «господствующая» в его время психология (экспериментальная, биологическая) стихийно стоит на материалистической точке зрения. «Материя не есть продукт духа; а дух есть лишь высший продукт материи. Это разумеется — чистый материализм» (Энгельс). «Эту материалистическую точку зрения, — продолжает Ленин, — отвергает Авенариус, называя «мышление мозга» «фетишизмом естествознания». «Наш мозг, — говорит Авенариус, — не есть обиталище, седалище, созидатель, не есть инструмент или орган, носитель или субстрат и т. д. мышления» (цитировано с сочувствием у Маха в «Анализе ощущений»). «Следовательно, — продолжает В. И. Ленин, — насчет своего решительного расхождения в этом пункте с естествознанием Авенариус не делает себе ни малейших иллюзий. Он признает, — как признает и Мах и все имманенты, — что естествознание стоит на стихийно, бессознательно материалистической точке зрения. Он признает и прямо заявляет, что расходится безусловно с господствующей психологией (курсив Ленина). Эта господствующая психология совершает недопустимую «интпроекцию», т. е. вкладывание мысли в мозг или ощущений в нас»⁵⁾.

Мы полагаем, что в приведенных суждениях В. И. Ленина и Н. Н. Ланге (мысли последнего приведены нами, как типичный пример методологиче-

¹⁾ Ор. cit., стр. 35.

²⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 106.

³⁾ Ор. cit., стр. 108.

⁴⁾ Ор. cit., стр. 124.

⁵⁾ Ор. cit., стр. 81 — 82.

ских суждений последовательного эксперименталиста - психолога) достаточно освещено родственное отношение между основной, органической, установкой экспериментальной психологии и философией материализма в их взглядах на сознание, на возможность и необходимость его изучения.

В экспериментальной психологии, как и в других опытных науках — физике, физиологии и т. п., идеалистические наслоения могут быть идеологическими привесками от классовых взглядов некоторых работников этой дисциплины (вспомним философские выводы Маха, Иог. Мюллера, Дю - Буа - Реймона, Пуанкаре и т. под. «крупных» эксперименталистов - ученых). Эти идеалистические привески и должны стать предметом критики марксистской психологии для отсечения их, как элемента, органически не связанного с сутью и технико - методическими завоеваниями экспериментальной, биологической, психологии.

Если же мы встречаем у некоторых рефлексологов и им подобных отрицание возможности и необходимости экспериментальной психологии, как науки, то из всего вышеприведенного следует, что это не критика идеалистических уклонов, имеющих место в философских выводах некоторых западных психологов (см. впереди), а использование идеалистических источников для критики материалистических тенденций экспериментальной психологии (см. оценку эксперимент. психологии и отношение к ней В. И. Ленина, Н. Н. Ланге, с одной стороны, и у Эдм. Гуссерля, с другой стороны).

Теперь рассмотрим особенности новейшего направления экспериментальной психологии на Западе — Gestaltpsychologie.

На фоне выше перечисленных психологических воззрений на Западе и появилась теория Gestaltpsychologie; она примыкает, с одной стороны, к психологии животных — научному бихевиоризму, с другой стороны, является новейшим направлением экспериментальной психологии человека. Ее основное положение, ради необходимой здесь краткости, мы проиллюстрируем одним экспериментальным примером. Перед курицей, в опытах W. Köhler'a, стояла подставка для корма, представлявшая по своей окраске два поля серого цвета, но различных оттенков светлоты. На оба поля клались зерна, но курице позволяли клевать только с более темного поля (№ 2), при этом положение полей менялось: один раз темное — справа, другой раз — слева и т. д. После долгого ряда опытов (400 — 600) куры приучались клевать только с более темной полосы подставки; если бы курица воспитана была определенно реагировать только на данный световой оттенок, независимо от его отношения к светлому цветовому оттенку (№ 1), то она клевала бы с данного темного поля и тогда, когда рядом с ним поместили, взамен светлого поля (№ 1), еще более темное поле (№ 3); но оказалось, что при таком изменении окраски подставки она клевала уже с нового участка № 3, а не привычного — № 2. Следовательно, для курицы восприятие данного поля являлось целостным, а не частичным; она воспринимала прежде всего отношение частей целого, а не отдельный элемент этого целого, хотя на этот элемент (поле № 2) эксперимент и направлял установку курицы.

Свои опыты W. Köhler расширил исследованием обезьяны с указанной точки зрения. Перед обезьяной ставилась корзина с бананами; обезьяна могла их достать, определенно организовавши свое поведение и отношение к окружающим предметам. W. Köhler, описывая это поведение, полагает, что при этом отношение обезьяны к отдельным предметам экспериментальной обстановки было отношением к частям целого; и что только такое отношение и позволило обезьяне решить данную задачу. W. Köhler идет дальше: в своей работе «Die physische Gestalten in Ruhe und im stationären

Zustand»¹⁾ он стремится показать, что в окружающей человека природе предметы представляют не столько суммы своих частей, сколько новые специфические качества, образуемые отношением частей, — физические образы (*physische Gestalten*). Философская академия в Эрлангене, издавая упомянутую книгу W. Köhler'a, в издательском проспекте характеризует ее значение так: «доказательство образов в природе (чем занимается W. Köhler в данной книге), т.-е. изучаемых физикою систем, существенные качества которых теоретически не могут быть поняты без остатка через суммирование их частей, имеет значение *натурфилософского шага* огромного значения». Методологические концепции основателей Gestaltpsychologie выходят за пределы психологии, они делают шаг к построениям философии природы методологии ее изучения.

Другим видным теоретиком целостной психологии является М. Wertheimer. Он, как и W. Köhler, исходит от давно известных психологии ощущений отношений. «Ощущениями и следами прошлого опыта, — описывает Н. Н. Ланге в своем учебнике «Психология», — не исчерпывается однако содержание восприятия. В состав их входит еще особый вид психических явлений, которые проще всего назвать *сознаниями отношений*. Это сознание сходства и различия, единства и множественности, пространственных и временных соотношений. Именно эти отношения и создают главным образом ту *цельность*, которую представляют наши восприятия сравнительно с хаотической совокупностью отдельных ощущений и образов». Сознания отношений Эренфельс и назвал Gestaltqualitäten — структурные качества; в них мы сознаем, как некоторое особое качество, расположение, или структуру, известной совокупности впечатлений. Примером целостного образа отдельных ощущений является мелодическая фраза в музыке.

От определений Эренфельсом «образа» и исходит Wertheimer в своих построениях. Он настаивает, что имеется такое соотношение частей, где то, что имеет место в одной какой-нибудь части целого, определяется структурными законами всего целого (см. его реферат «Über Gestalttheorie»²⁾ Wertheimer полагает, что такое динамическое, функциональное, понимание частей и целого лучше объясняет нам действительность и ее восприятие. Основной вопрос, — говорит он, — о котором мы желаем трактовать целиком просто, ясно и всегда строго, заключается в следующем: определяется ли часть структурой целого или эти части сложены в свою сумму механически, случайно и слепо. При чем вместе с W. Köhler'ом, своим коллегой по кафедре психологии в Берлинском университете, он полагает, что такое отношение части и целого присуще не только нашим психическим соединениям, но и предметам окружающей природы.

Между образами природы и тождественными или родственными по структуре психологическими образами лежит деятельность нервной системы, опосредствующая физические и психологические образы. Для марксистской мысли с ее положением «сознание есть функция мозга» чрезвычайно важным являлось бы разъяснение вопроса, как предполагаемые физические образы — «*physische Gestalten*», отражаясь, по мнению Wertheimer'a, в «тождественных или родственных им психических образах», сохраняют свою «образность» в необходимой при этом посредствующей работе нервной системы. Такое объяснение и было бы наиболее ценным научным освещением «образа». Köhler и др. производили исследование в ответ на такой вопрос в области

¹⁾ Uerlag der Philosophischen Akademie. Erlangen. 1920.

²⁾ Sonderdrucke des Symposion, Heft 1. Uerlag der Pilsosophischen Akademie, Erlangen. 1925, а также книгу «Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie», новое издание 1925 г.

зрительных восприятий и сделали попытку объяснения зрительной «образности» работой сетчатки. Köhler полагает, что здесь мы имеем важную, но пока не совсем решенную проблему. Gestaltpsychologie усиленно подчеркивает значение факта в работе нервной системы, хорошо известного по экспериментальным работам Шерингтона, Магнуса и др., а в последнее время по работам школы русского физиолога А. П. Введенского (Ухтомский, Уфлянд, Виноградов и др.), — факта единства (целостности) реакций нервной системы (интегрирующая деятельность нервной системы Шерингтона, принцип «доминанты» в работах школы Введенского).

Факт единства проявлений организма хорошо был известен и экспериментальной психологии, например, под именем «детерминирующих тенденций» у Титченера (см. его «Учебник психологии»), Аха и др.

Основные методические взгляды Gestaltpsychologie были в относительно недавнее время выражены Köhler'ом в форме следующих принципов психологического исследования¹⁾:

1) Научно описывать состояние человека в терминах внешних мускульных движений, внешнего поведения и невозможно, и бесполезно. Описать сокращение всех тех мускулов, которые пускает в ход химик, полисмен или обезьяна, когда они проявляют себя заинтересованными чем-либо, является непосильной задачей для ученого, хотя бы и анатома, ибо в той или иной степени сокращения участвуют в этом акте почти все мускулы. Но если бы кому-либо и удалась такая чисто описательная задача, то труд был бы затрачен бесполезно, ибо никто бы не понял из такого «ученого» описания цели говорящего, пока последний не прибавил бы приблизительно следующего: «вы понимаете, я говорю о тех движениях, которые составляют заинтересованный вид химика» и т. п.

2) При исследовании животного надлежит избегать ошибок антропоморфизма. Ученый, создавая экспериментальную обстановку для исследования животного, обычно формулирует свою задачу и решение ее в терминах, подсказанных восприятием этой обстановки самим ученым; для «невинного» же животного эта обстановка выглядит иной. Свою задачу ученый обычно видит в том, что животное связывает нужный экспериментатору раздражитель (один из многих в лаборатории) с определенной нужной ему реакцией, тоже одной из многих, при содействии различных поощрений животного. Все это говорит за то, что подобный ученый навязывает животному свое развитое понимание экспериментальной ситуации; для животного же распределение существенного и несущественного в обстановке может быть совершенно иным, чем для экспериментатора. (Отсюда, напр., у Павлова описанное им выше «роковое» для его опытов поведение животного).

3) Распределение или организация процессов восприятия зависит не только от той или иной комбинации внешних раздражителей, имеющих место в данное время, но также и от общего внутреннего состояния животного (голода, возбуждения утомления, предшествующих впечатлений и т. п.).

4) Основной задачей для психологов должно явиться изучение законов сенсорного поля (так называет Köhler то, что в философии материализма обычно называется «ощущением»). Обычно устаревшие точки зрения в физиологии допускают, что, например, каждая колбочка и палочка глазной сетчатки соединена особым проводником с центрами мозга; при таких условиях вопрос о связывающей «промежуточной» деятельности мозга,

¹⁾ Сборник университета Кларка в Массачусетсе. «Psychologies of 1925», статьи Köhler'a «Intelligence of Apes» и «An Aspect of Gestaltpsychologie».

о «целостности» в его деятельности отодвигается в тень. Но новейшие успехи физиологии, и в частности неврофизиологии, ставят вопрос о взаимодействии между частичным процессом и целым организмом, возникает проблема распределения процессов в организме. Распределение энергетического процесса при акте, напр., зрения, а следовательно — и сенсорный, познавательный, результат при этом, будут зависеть от соотношения разно возбужденных частей сетчатки, от свойств и состояний проводящих путей и от влияний, падающих на зрительный центр в мозгу со стороны других частей нервной системы и всего организма в целом, т.-е., по нашему мнению, явится функцией организованности всего тела.

Представители целостной психологии часто употребляют сравнение действующего организма со всякого рода саморегулирующимися аппаратами (Proportionsinstrument), где изменение в одной части целого вызывает одновременно изменение других частей его; обычными пояснительными выражениями у представителей данного направления являются такие, как «модель состояния уравнивания» — со средой (das Modell vom Gleichgewichtszustand...), «эффект, вызываемый условиями системы» (der Effect durch die Systembedingungen), «единство структуры» (Strukturmonismus) и т. п.

Köhler полагает, что заниматься только простым описанием связи стимула и внешней реакции было бы путаной программой, отвлекающей психологию от решения основного вопроса, как складывается в организме сенсорный процесс в зависимости от присущего в данный момент всему организму комплекса раздражений, пришедших в целостно-реагирующий организм извне, как от этого процесса зависит сенсорное поле и внешняя реакция. Вскрытие конкретных закономерностей появления и строения сенсорного поля под влиянием внешнего раздражителя и целостного реагирования организма и есть основная и специфическая задача психологии по Köhler'у.

Эта задача напоминает приведенное пожелание Энгельса по адресу марксистской психологии: «Мы, — писал Энгельс, — из-за содержания не обращали достаточного внимания на формальную сторону: на род и способ, каким указанные представления и прочие создаются. Это дало нашим противникам желанный повод к недоразумениям. Идеология есть процесс, хотя и совершаемый сознательно, так называемым мыслителем, но со сложным сознанием». Вскрытие закономерностей «сложного сознания», в его зависимости от внешних и внутренних раздражителей, т.-е. вскрытие того рода и способа, каким под влиянием экономики создаются те или иные представления, понятия, суждения, хотения, желания и т. п., мешало бы некоторым идеологам полагать, что «всякое действие, будучи ближайшим образом обусловлено мышлением, кажется также имеющим в конечном счете свою основу в мышлении» (Энгельс). «К этой стороне дела (т.-е. к исследованию механизма возникновения представлений, суждений и т. под. форм сознания) мы отнеслись, — говорит Энгельс, — я полагаю, с меньшим вниманием, чем она заслуживает»¹⁾. Этими словами Энгельса указывается задача: надлежит не только устанавливать причинную зависимость между экономическими фактами и вытекающими из них идеологическими представлениями и обусловленными этими представлениями действиями, но еще надлежит исследовать *психофизиологический механизм* возникновения этих представлений, суждений и т. п.,

¹⁾ Из письма Энгельса к Мерингу от 14 июля 1893 г., цит. у Ф. Меринга. «История германской соц. - дем.», т. I. Примечание.

имеющих свою роль в поведении; и именно надлежит исследовать не только физиологический, а и психофизиологический механизм, т.-е. указать, как и какие физиологические процессы порождают функцию их организованности — сознание. Такая задача, естественно, лежит в программе последовательно развивающейся экспериментальной психологии, развивающейся без тех отклонений, которые мы описали при разборе взглядов Вундта, Джемса, Штумфа и др. Köhler еще раз напомнил об этих задачах.

Задачи психологии, выдвигаемые и решаемые Köhler'ом, близки в некоторой части задачам марксистской психологии — показать и доказать в своих опытах, что все формы сознания есть функции организованности тела (его «системности», «целостности»), что, в свою очередь, эта организованность вызывается определенной внешней действительностью, в которой основным фактором для марксизма является экономический фактор.

Эти задачи поддерживают, с своей стороны, *новейшие* успехи физиологии. Описание стимула и реакции всегда ставит вопрос о посредствующих нервных механизмах. Ответ о принципах работы этих механизмов в те моменты, когда они продуцируют сознание — «сенсорное поле», дает W. Köhler, обобщивши для этих целей новейшие достижения неврофизиологии. Распространенный у нас ответ о механизмах неврофизиологического аппарата в форме отдельных рефлекторных дуг не удовлетворяет не только психофизиологов, но и физиологов. Физиолог М. И. Виноградов, обобщая работы школы Введенского с работами упомянутых Шерингтона, Магнуса, Uexküll'я и др., делает такие выводы: «Исходя только из внешнего воздействия и абстрактного понятия о «простом рефлексе», никогда нельзя предсказать наверняка характера рефлекторного ответа: все зависит от внутреннего центрального равновесия». «Современная физиология отклонилась от понятия зафиксированного условного рефлекса, признав его иллюзорность. Принцип доминанты основывается на определяющем значении центральных процессов, в известных пределах способных к собственному выражению»¹⁾. И это пишется в сборнике «Новое в рефлексологии», именно здесь об'является «иллюзорность зафиксированного выработавшегося условного рефлекса».

Впрочем распространенные, особенно у популяризаторов, описания поведения при помощи понятия условного рефлекса не столько преследуют цели вскрытия физиологических механизмов, так нужных психофизиологии, сколько просто делают указания на самый общий факт: нечто приходит извне в организм, там перерабатывается и выходит вовне; это общая формула всех явлений в природе: действие — процесс изменения — эффект. Против этой формулы, кажется, никто никогда не возражал. Суть же конкретной задачи, которая стоит перед психофизиологией и физиологией и которая так занимает Köhler'a, лежит во вскрытии всей сложности целостного механизма нервной системы в моменты продуцирования им «сенсорного поля»; с помощью такой психофизиологической работы организм уравнивается со средой, действующей на него и вызывающей его активность («поведение»).

Физиолог, принадлежащий к «рефлексологической группе», Л. Л. Васильев, констатирует то, что дает и что имеет рефлексология в области физиологических механизмов. — «Что такое основные нервные состояния или процессы? — спрашивает Васильев. — Сколько их? Какова их физиологическая природа? Каково взаимоотношение между ними? Совершенно очевидно, что то или иное решение этих вопросов должно предшествовать

¹⁾ «Новое в рефлексологии», 1925, стр. 77 — 78, 71.

рефлексологическому анализу. Иначе рефлексолог не будет иметь ясного представления о том, к каким физиологическим элементам следует ему сводить сложные реакции организмов»¹). «Между тем, — констатирует Васильев, — общепризнанного и окончательного решения этих кардинальных вопросов не имеется до сих пор». Следовательно, рефлексологи, по Васильеву, поставлены в положение, когда у них «нет ясного представления о том, к каким физиологическим элементам следует сводить сложные реакции организмов», в особенности — человека. При таких условиях они принуждены вместо обещанного объяснения физиологических механизмов довольствоваться при этом общей схемой описательного характера. Довольствуясь описательными средствами, представители условно-рефлекторной теории для видимых недействительных состояний объекта употребляют общий термин — «торможение». Но физиологические исследования различают для нерва семь основных функциональных состояний: 1) состояние покоя, 2) состояние динамического возбуждения, 3) состояние возбужденности, 4) состояние вторичной заторможенности, 5) состояние парабриотического торможения, resp. статического возбуждения, 6) состояние первичной заторможенности, 7) состояние антипарабриотического, resp. статического торможения²). Спрашивается: если мы имеем пред собою недействительное состояние испытуемого, по описательной теории — «торможение», особенно у человека, у которого это состояние может вызываться и многочисленными социально-психологическими условиями, то какому истинно физиологическому процессу соответствует внешне описанный факт «торможения» — состоянию ли покоя, или состоянию вторичной заторможенности (при том условии, что на испытуемого непрерывно падают всякие раздражения, помимо раздражения, интересующего экспериментатора), или состояние испытуемого есть состояние статического возбуждения (не сопровождающегося внешним движением), или это состояние первичной заторможенности, физиологически отличающейся от других видов внешне невыявляемых состояний, или это состояние статического торможения? На все эти вопросы физиологического порядка описательная условно-рефлекторная теория принуждена отвечать общим термином «торможение», условным обозначением состояния внешней — «объективной» — недействительности. Если же к этому прибавить многочисленные социально-психологические причины, определяющие по-разному внешнее, «объективное» недействительное состояние, то мы пойдем к состоянию рефлексологии, которой приходится с ее внешне описательными приемами сидеть между двумя стульями — истинной физиологией и материалистической психологией.

Школа Gestaltpsychologie стремится вопрос об обусловленности сенсорного поля всею совокупностью физиологических процессов разрешить экспериментально. И лаборатория экспериментальной психологии Берлинского университета Köhler'a, Wertheimer'a в сотрудничестве с другими лабораториями, примыкающими к ней (К. Koffka в Giessen'e, К. Goldstein в Frankfurt'e, Н. Gruhle в Гейдельберге) сделалась центром мирового значения по психофизиологическому изучению, по крайней мере, для начала программы, — оптического сенсорного поля, во всеоружии физиологии и психологии.

К. Bühler («Die Krise der Psychologie») склонен определить взгляды Gestaltpsychologie на отношение материи и сознания, как параллелизм. Поэтому вопросу Wertheimer в упомянутом реферате ведет такие рассуждения:

¹) «Новое в рефлексологии», 1925, стр. 1.

²) Л. Л. Васильев. «Об основных функциональных состояниях нервной ткани». «Новое в рефлексологии», 1925, стр. 25.

имеются ли, например, при наших радостях и горе, с одной стороны — сумма физических движений мускулов и органов, а с другой стороны — психические состояния? И отвечает: «нет», и дальше по-своему поясняет: «если человек труслив, робок или энергичен, весел или угнетен, то характер протекающих при этом физических состояний имеет тождественный или родственный по структуре образ (*gestaltident oder gestaltverwandt*) с характером протекающих при этом психических состояний». Широкой популярностью пользуется у представителей данного направления положение: «что внутреннее, то — и внешнее»¹⁾. Но такой ответ на вопрос об отношении материи и сознания приводит Бюлера к выводу: «в остальном это (взгляды представителей *Gestaltpsychologie*) есть принятие параллелизма, которое Вертгеймер вполне определенно формулирует в предложении «что внутреннее, то есть и внешнее», и все усилия, предпринятые с тех пор, чтобы сделать ответственными за те или другие качества образов восприятия определенные качества нервных процессов, не выходят за пределы первого предположения»²⁾. В этих словах критика — эмпирика, помимо указания на необходимость для школы целостной психологии уточнить недостаточно определенные свои онтологические взгляды, содержится и обычное утверждение, свойственное мышлению эмпириков, а именно: сколько и как бы ни указывалось на зависимость психических процессов от нервных процессов, эмпирик считает первые только протекающими параллельно последним; выразительно это подчеркивается нашими эмпириками — физиологами, не признающими научного, точного, познания психических явлений. Марксистской психологии, а может быть и школе целостной психологии (в ней есть марксисты) много придется поработать над вопросами установления необратимого функционального отношения между первичными нервными процессами и вытекающими из них психическими; при чем это онтологическое отношение не укладывается в формулу Вертгеймера «что внутреннее, то есть и внешнее»; эта формула без дальнейших разъяснений дает повод к квалификации, сделанной Бюлером; конечно, отношение материи и сознания должно понимать, как реальное онтологическое, а не формально-математическое, а потому, отношение — нервный процесс и его психическая функция — есть необратимое функциональное отношение³⁾; кроме того, отношение между нервным процессом и его психической функцией есть отношение единства, но не тождества. Взгляды *Gestaltpsychologie* на отношение материи и сознания требуют дальнейшего доразвития и уточнения.

Wertheimer полагает, что выражаемым им принципам противоречит традиционная логика с ее анализирующими силлогизмами, каталогизированием и систематизацией, как и основанные на ней науки, в том числе и *stückhafte Mathematik*.

Каков же методический идеал исследования по Вертгеймеру? Идеальный образ исследования по Вертгеймеру иллюстрировался им так: представим себе изучаемый нами мир, как большое плато; на нем сидят музыканты, и каждый из них музицирует; мы идем туда, слушаем и делаем выводы. При этом возможны принципиально три случая. Возможно, что такой мир устроен, как простое разнообразие, множественность вещей. Каждый играет что-то для себя. Что же может получить наблюдатель

1) «Denn was innen, das ist aussen».

2) Bühler, op. cit., стр. 114.

3) Некоторые эмпирики, не отвергая формулы «психика есть функция материи», считают ее обратимой (в математическом смысле) и говорят: «и материя есть функция сознания».

так устроенного мира? Случайный эффект, складывающийся из того, что каждый из музыкантов в отдельности делает.

Возможен второй случай нашего гипотетического устройства мира: представим, что один музыкант сыграл «до», другой, спустя много секунд, играет «фа»; наблюдатель пытается установить связь между тем, что эти два музыканта исполнили. Так, полагает большинство людей, поступает физика; но настоящая работа физики показывает мир иным.

Третий возможный случай устройства нашего примерного мира и его восприятия может заключаться в том, что изображенный мир подобен исполняемой бетховенской симфонии; тогда мы имели бы возможность, понимая одну часть целого, несколько догадываться и о структурном принципе всего целого; при этом основные законы не были бы какие-то законы отдельных частей, а являлись бы характерным свойством того, что действительно существует. Отголоски немецкой натурфилософии сказываются в этом сравнении Вертгеймера.

Обращают внимание суждения представителей Gestaltpsychologie о проблеме цели: «Теперь в биологии и психологии, — говорят они (Köhler, Wertheimer), — нет никакой более проблемы цели (Zweckproblem). Механистический и виталистический взгляды уничтожаются. Живая система достигает своих эффектов точно так, как и целое (вообще), именно в силу своих физических или, рассматривая с другой стороны, психических условий системы». Bühler в упомянутой книге²⁾ это положение комментирует так: «Лейбниц, если не обращать внимания на параллелизм, выражался подобным образом, но считал необходимым установить принцип предустановленной гармонии и, как источник целесообразности в мире, — всемогущий акт творчества, устанавливающий цели»¹⁾. В философствовании Gestaltpsychologie многие онтологические проблемы остаются пока неразвернутыми. Ближайшее развитие их окончательно выяснит перед нами принципиальные философские позиции этого направления психологии, привлекающего внимание ученых Европы и Америки. В специальном же кругу психологических вопросов подлежит дальнейшему освещению следующий вопрос: системные условия, обуславливающие физические и психические процессы у человека, даны первоначально, извечно, или возникают в определенный момент развития материи и — в частности — животного мира? Связь основных взглядов Gestaltpsychologie с учением Спинозы в том или ином его истолковании кажется бесспорной. Точному ответу целостной психологии подлежит и вопрос: возникает ли сознание в некоторый момент развития материи, и именно: возникает ли сознание, как функция высокоорганизованной живой материи, или сознание извечно присуще материи (теория всеобщей одушевленности)? Ответы на эти вопросы подлежат доразвитию в школе целостной психологии.

Издаваемый представителями разбираемого направления журнал «Psychologische Forschung» содержит много экспериментальных работ, пользующихся широко и общей логикой и другими соседними науками (он имеет подзаголовок: «Zeitschr. für Psychologie und ihre Grenzwissenschaften»); эти работы проводятся с целью показать выдающуюся роль в нашем познании той стороны, которую называли раньше «сознание отношения», и значение которой раньше недостаточно учитывали, но что теперь широко использовала в своих теоретических построениях и экспериментальных работах Gestaltpsychologie, продвигая ценные стороны экспериментальной психологии

¹⁾ К. Bühler. Die Krise der Psychologie. Jena, изд. G. Fischer'a, стр. 115; в этой книге Gestaltpsychologie уделена целая 10-я глава «Über Structureinsichten und dem Physicalismus in der Psychologie». Точка зрения Бюлера типично эмпирическая.

далеко вперед. Имея дело в своих экспериментах с реальными физиологическими и психическими фактами, а не такими абстрактными схемами как «раздражение приходит, перерабатывается и выходит во вне», — Gestaltpsychologie открывает в своих опытах реально присущие организму закономерности, вскрывая диалектический характер поведения животного: обезьяна Köhler'a долго не выявляла никакого прогресса в ее экспериментальном поведении, но однажды вдруг неожиданно целиком разрешила задачу, и после этого уже больше не делала никаких ошибок. Кривая ее упражнения образовала резкий подъем. Köhler сравнивает это «поведение» обезьяны со схватыванием какого-нибудь искомого принципа человеком после долгого его обдумывания (Ньютон и «яблоко», Архимед и «купанье»). В этих опытах мы имеем, по нашему мнению, проявление принципа скачкообразного развития процессов поведения с переходом от количественных определений к качественным.

Из этого, поневоле здесь краткого, обзора уже можно сделать без дальнейшего анализа некоторые заключения о взглядах выдающихся основателей Gestaltpsychologie:

1. На широкие методологические построения представителей этого направления оказывают некоторое влияние reminiscenции немецкой натурфилософии (заметно это во взглядах Вертгеймера на изучение природы).

2. Подлежат уточнению в этой школе следующие принципиальные для психологии вопросы: а) отношение целостной психологии ко взглядам психофизического параллелизма; у Бюлера были некоторые основания приписывать Вертгеймеру параллелизм; б) различие в разрешении проблемы целесообразности данной школой и, например, Лейбницем; в) возникает ли сознание в некоторый момент развития материи, или вопрос этот решается в духе теории «всеобщего одушевления природы».

3. Перед данным направлением стоит кардинальный и труднейший вопрос экспериментальной психологии — указать ближайшее отношение и обусловленность целостной работы сознания известными реальными, а не абстрактно описанными, нервными процессами; хотя в этом направлении Gestaltpsychologie сделала больше других школ, в том числе — и физиологов, занимающихся у нас исследованием поведения животных и человека.

4. Представителям данного направления заметно присуща тенденция утверждать монистическую методологию наук как физических, так и социальных, по крайней мере, части последних, в том числе и психологии.

5. Данное направление своей теорией, подлежащей дальнейшей критике, в особенности своими экспериментальными работами, подчеркивает характерные особенности сознания, как выражения синтезирующей деятельности организма с высокой степенью развития.

6. В результате глубоко реалистического эксперимента в изучении поведения человека и животных, лишенного присущего другим исследователям ошибок антропоморфизма и ирреализма, мы имеем вскрытие этой школой фактов поведения животного, осуществляемых по диалектическому принципу скачкообразного развития.

Откажется ли марксистская психология от некоторых положительных сторон Gestaltpsychologie и — в частности — от обосновываемого целостной психологией ее общего положения: состояния сознания характеризуются их единством и целостностью, определяемыми единством и целостностью закономерностей предметов и явлений окружающего мира? Быть может, формулировка данного принципа у представителей Gestaltpsychologie и содержит неясности старых натурфилософских положений. Мы постараемся подойти к вопросу со стороны формулировок марксизма. «Целостный

характер явлений природы», который стремится понять Gestaltpsychologie, мы можем разуть, как давно известную всеобщую и единую закономерность природы, включая в нее и человека. «Действительное единство мира состоит в его материальности,— говорит Энгельс,— а эта последняя доказывается длинным и трудным развитием философий и естествознания»¹⁾. К этим словам Энгельса Ленин прибавляет: «Сколько-нибудь последовательная философия может выводить единство мира либо из мышления,— тогда она беспомощна против спиритуализма и фидеизма, либо из той же об'ективной реальности, которая существует вне нас и давным давно называется в гносеологии материей»²⁾. В связи с вопросом о единстве мира и «принципе экономии мышления» Ленин приводит оценку Маха Вундтом: «У Канта— априори и опыт. У Маха— опыт и априори, ибо принцип экономии мышления по сути дела у Маха является априористическим. Связь (Verknüpfung) либо есть в вещах, как об'ективный закон природы (что Мах решительно отвергает), либо является суб'ективным принципом описания. Принцип экономии Маха суб'ективен, и он kommt wie aus der Pistole geschossen— является на свет божий неизвестно откуда, как телеологический принцип, могущий иметь разные значения». «Вы видите,— добавляет к этим словам Вундта Ленин— специалисты философской терминологии не так наивны, как наши махисты, готовые верить на слово, что «новое» словечко устраняет противоположность суб'ективизма и об'ективизма, идеализма и материализма»³⁾. В приведенных словах Энгельса и Ленина дана определенная принципиальная позиция марксизма в отношении понимания «единства, целостности мира»: «Действительное единство мира состоит в его материальности».

В каком отношении к закономерностям природы стоят закономерности сознания? В. И. Ленин писал: «Для всякого материалиста законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами⁴⁾, для всякого материалиста формы нашего чувственного восприятия имеют сходство с формами действительного, т.-е. об'ективного, реального существования предметов». «Господство над природой, проявляющееся в практике человечества, есть результат об'ективно верного отражения в голове человека явлений и процессов природы»⁵⁾.

Роль сознания по взглядам Ленина не меньшая, чем в представлениях сторонников целостной психологии. Эта роль сознания, которую «критики» психологии позволяют называть «активностью», направлена на понимание закономерностей природы; эти закономерности природы могут быть отражены сознанием, близким в своих структурных качествах к закономерной структуре предметов и явлений природы. Тут заключается и ответ тем критикам психологии, которые полагают, что изучение состояний сознания и определенной познавательной их роли, которая не может не отразиться на поведении, есть утверждение якобы идеалистической «свободы воли». Между тем трактование так называемой «свободы воли» по Энгельсу и «состоит в основном на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой». Свобода есть познанная необходимость. Чем лучше работает сознание, чем его методы больше приспособлены к познанию закономерностей природы, тем больше мы осуще-

1) «Анти-Дюринг», нем. изд., стр. 31.

2) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 171—172.

3) Op. cit., стр. 170—171.

4) Gestaltqualitäten Эренфельса Н. Н. Ланге перевел «качество формы».

5) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 367, 190.

ствляем свободу воли в материалистическом смысле. Gestaltpsychologie вопрос о тесной связи структуры познающей психики с закономерностями природы, с ее структурой, поставила вполне определенно и работает экспериментально над разрешением этого вопроса. И на эту сторону установок Gestaltpsychologie, как и на ряд других, указанных выше, положительных моментов целостной психологии, марксистская психология не может не обратить своего внимания, хотя отдельные положения теории Gestaltpsychologie и содержат элементы, с которыми не может согласиться марксизм.

Теперь надлежит нам осветить вопрос о роли сознания, которую, как уже сказано, «критики» не раз называли «активностью» в идеалистическом смысле.

Из уже приведенных в этой работе цитат видно, что марксисты часто употребляют формулировки, где сознанию как будто отводится «активная» роль, например, у Маркса: «человек осуществляет (в работе) свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» и т. п.

По поводу подобных формулировок значения сознания в деятельности людей, описанного здесь Марксом, и по поводу таких выражений в языке, например, нашей современной прессы, как «необходимо, чтобы каждый гражданин был сознательным», «он уже сделался сознательным человеком», «сознание своих обязательств», «сознательный поступок» — один из критиков психологии пишет: «язык, без сомнения, отражает обычные верования в отдельную нематериальную субстанцию, которая управляет деятельностью людей и вообще живых существ, о чем мы говорили, когда рассматривали вопрос о житейских обусловленных законах поведения, которые сводятся к признанию активного влияния на поведение души или душевных способностей, какпе обозначаются термином сознание»¹). Что это? Рассуждение семасиолога, устанавливающего историческое изменение значения слов: то, что, быть может, в глубокую старину и имело иной смысл, чем теперь, например: крестьянин (христианин), работник (раб), муж (мудрый, сильный), государство (имение царя), копыто (чем копают), трава (перетираемое) и т. д., то в наше время уже не имеет прежнего смысла, каковое изменение не мешает точному выражению наших мыслей при помощи этих слов. Но «знание», «сознание» в индоевропейских языках имеет основное значение «понимать» (греч. — γινώσκω, лат. — (g) noscere, иран. — gnāth, англ. — know, готск. — kunnan). Или приведенное выше суждение нашего «критика» является простым недоразумением, ибо Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов и вслед за ними миллионы людей, употребляя часто и с точным значением слово «сознание», совсем не думают при этом, конечно, об «отдельной нематериальной субстанции, которая управляет деятельностью людей». Или это демагогия, рассчитанная на подрывание науки об «ощущениях, способных знать истину», как качество этой способности определил Ленин.

Значение употребления терминов «сознание», «ощущение» и т. п. учителями марксизма и заключается в том, что всем известные по личному опыту каждого состояния сознания — восприятия, память, мышление, чувства — надлежит изучить и объяснить материалистически, а не оставить эти реальные состояния на объяснение враждебных материализму группировок. Именно учителя марксизма в своих трудах стремились не замолчать эти явления, не отмахнуться от них, а дать основные руководящие

¹) Протопопов. Статья «Проблема утворения науки про поведінку». «Укр. Вісник Експер. Педагогіки», № 5, 1927.

принципы материалистической науки о состояниях сознания, являющихся продуктом развития и высокой организованности материи. Отклонение от такой задачи есть враждебное основным установкам диалектического материализма уклонение, совершаемое или по недоразумению, или, в лучшем случае, вследствие отставания позиций механического мировоззрения.

Уточним по возможности поставленный вопрос. Определенная роль сознания, к чему и сводится вопрос «активности», конечно, не стоит в противоречии с тем, что первоначально была материя, что в результате ее развития и ее высокой организованности, появилось сознание, и что сознание, раз появившись, имеет свою роль в системе материальных явлений и состояний мира. Эта роль незаменима в познании мира. Прогресс человечества связан и с расширением и углублением его сознания. Познание же, наука, есть условие наибольшей активности человечества, его победы над природой; обратное влияние надстроек на базу — факт неоспариваемый.

По этому вопросу Энгельс, в своем упомянутом письме к Мерингу, выразивши свое сожаление, что учителя марксизма не имели времени заняться изучением «рода и способа, каким представления, понятия, суждения и проч. создаются» («к этой стороне дела, — писал Энгельс, — мы отнеслись с меньшим вниманием, чем она заслуживает»), дальше в этом письме указал объективную роль продуктов деятельности сознания: «в связи с этим находится также следующее нелепое представление идеологов, — продолжает Энгельс: — раз мы отрицаем самостоятельное историческое развитие за различными идеологическими сферами, играющими роль в истории, то мы будто бы отрицаем за ними всякое историческое действие. В основе такого утверждения лежит ходячее недialeктическое представление о причине и следствии, как неподвижно противостоящих друг другу полюсах, т.-е. абсолютное игнорирование взаимодействия; господа эти часто почти умышленно забывают, что известный исторический момент, раз он вызван в свет другими, в конечном счете экономическими фактами, начинает и в свою очередь реагировать, что он может действовать обратно на свою обстановку и даже на свои собственные причины». Ф. Меринг продолжал развивать мысли Энгельса: «Исторический материализм нисколько не отрицает действия идейных сил; он только подвергает их основательному истолкованию, он только выясняет, откуда идеи черпают свою силу. Конечно, люди делают свою историю, но как они делают — это зависит в каждом отдельном случае от того, насколько ясно или неясно отражается в их головах материальная связь вещей. Идеи не возникают из ничего, они суть продукты общественного процесса производства, и чем точнее данная идея отражает в себе этот процесс, тем большей силой она обладает. Человеческий ум стоит не над историческим развитием человеческого общества, а в нем самом. Исторический материализм вовсе не утверждает, что человечество есть безвольная игрушка в руках безжизненного механизма; он также нисколько не отрицает влияния идейных сил. Напротив, он вполне подтверждает знаменитые слова Шиллера: «чем выше развивается человеческий ум, тем для него слабее слепая мощь судьбы»¹⁾.

Если же мы постараемся быть в этом вопросе наиболее осторожными, то мы возьмем формулировку вопросов Плехановым (в его возражении Петцольду): «Часто говорят о влиянии психических состояний на физиологические, — говорит Плеханов. — Я думаю, что факты, наводящие на мысль об этом влиянии, указываются совершенно верно. Однако объясняются эти факты совершенно неправильно... Когда мы говорили, что данное психи-

¹⁾ Ф. Меринг. «Об историческом материализме».

ческое состояние известным образом повлияло на физиологические отправления данного организма, то надо понимать, что указываемое нами влияние причинено было собственно теми, тоже чисто физиологическими явлениями, субъективную сторону которых составляет это психическое состояние. Если бы это было иначе, то нам пришлось бы отказаться от закона сохранения». Это наиболее сдержанная трактовка в марксизме отношения психических состояний к физиологическим процессам. Ее заподозревали некоторые в прямом параллелизме. Действительно, у параллелистов мы встречаем определенное выражение «безактивности» психики. Как ни разнообразны взгляды параллелистов, — говорит Н. Н. Ланге, — «основной чертой всех их является утверждение самостоятельной, замкнутой причинности физического ряда явлений, признание, что на эти явления нигде и никогда не оказывают влияния психические явления: физические явления повсюду, и, в частности, в животных организмах, могут и должны быть изучаемы и понимаемы совершенно отдельно от психической жизни, которая никакого реального влияния на них оказать не может»¹⁾. И эти утверждения параллелисты, как и Плеханов в вышеприведенном утверждении, основывают на толковании закона сохранения энергии. Рядом с этим мы имеем утверждение Ленина: отличие психики от материи относительно, но не чрезмерно, противоположение сознания материи определяется пределами гносеологических задач, онтологическая же трактовка вопроса останавливается на относительном, а не абсолютном противоположении сознания и материи (см. впереди формулировки по этому вопросу Ленина).

Но если даже согласиться с Плехановым, то положительная характеристика роли сознания не отпадает, а вместе с тем и не отпадает ее «относительная активность», ее необходимая роль, как продукта организованности материального мира. И, по Плеханову, «вопрос не в том, субъективно ли знание: это разумеется само собою», и все-таки такое знание может быть истинным. Последнее лучше, чем кто-либо другой, объяснял Плеханов. Сознание отражает состояния организма. Жизнь миллиардов его клеток дана в сознании в виде простого ощущения, которым субъект руководится в своем поведении. Такой аппарат отражения синтетических состояний тела, как сознание, уже необходим человеку, если бы он даже был вообще фиктивным, Робинзоном.

Значение и роль сознания входит составной, неотъемлемой и важной частью в значение и роль высокоорганизованной материи со всеми ее свойствами по отношению к менее организованной материи с ее свойствами. Материя в состоянии той ее организованности, которая продуцирует новое ее свойство — сознание, способна на иной вид взаимоотношения со средой, чем материя, не находящаяся на такой ступени организованности. Человек подчиняет себе среду, зная ее законы и следуя им, животное подчиняется среде, не способное на ту степень знания среды, которой обладает человек. У человека и высших животных ступень сознания есть знак их организованности. Этот «знак организованности» необходим в борьбе за существование того и другого; этот знак организованности в приспособительном поведении человека и высших животных всегда выступает, как одно из свойств, очень важных, их тела, свойств, приводящих к повышению благополучия целостного организма.

«Ловкостью и умелостью в производстве необходимых средств к существованию было обусловлено господство человечества над землей. Человек есть единственное существо, про которое можно сказать, что оно получило

¹⁾ «Психология», изд. «Итоги науки», стр. 76.

абсолютное господство в добывании средств для питания, в чем он первоначально не имел никакого преимущества перед другими животными». Приведа эти слова из Lewis Morgana, Ф. Меринг их поясняет: «Человеческий ум становился все более властителем мертвого механизма природы, в духовном овладении процессом производства совершалось и совершается прогрессивное развитие человеческого рода»¹⁾.

Роль сознания во всей своей значительности выступает в социальной жизни человека — существа всегда общественного. Поведение задается субъекту социальной средой через его сознание. Многочисленные процессы организма даны субъекту через его сознание (Фейербах: «В желании пищи и в наслаждении пищею я ничего не знаю о желудке. В наше сознание входят лишь результаты, а не процессы организма»); эти процессы рефлекторно могут влечь субъекта к некоторой форме поведения, но субъект часто противопоставляет своему непосредственному, биологическому, влечению «директиву» общественной среды; это противопоставление личного влечения и общественной директивы совершается в сознании.

Почему сознательная социальная директива часто побеждает рефлекторные и инстинктивные влечения? Посредником в этом акте подчинения является психическая способность предвидения. Своему непосредственному влечению, — а следовательно, и бытию, его определившему, — субъект чрез образы сознания противопоставляет еще более мощное по своему влиянию на человека «бытие» общественной среды. Более или менее ответственному поступку человека или группы предшествует обдумывание поступка, т.-е. предвидения отношения результатов поступка и социальной директивы или социальной закономерности. В сознательном человеке происходит конфликт его биологического бытия с социальной директивой (осознанным бытием). Свобода человека в *познании* необходимости. Человек чрез свою напряженную работу по познанию мира утверждает не идеалистическую «свободу воли», как утверждают некоторые, а наибольшее подчинение законам мира. Наиболее совершенно детерминированное поведение достигается чрез работу сознания. «Активность сознания», если угодно употребить этот двусмысленный термин, — того сознания, которое порождено эволюцией материи, есть вполне определенная и значительная его роль в жизни общественного человека и человеческого общества. «Господство над природой есть результат объективно верного отражения в *голове человека явления*»; «ощущения открывают человеку *объективную истину*» (Ленин). «Свобода состоит в господстве над нами самими и над внешней природой, — господстве, основанном на познании *необходимостей природы*» — говорит Энгельс²⁾. «Господство над нами самими», о котором говорит Энгельс, означает управление собою, господство над нашими влечениями и рефлексами; например, большинство хулиганских поступков — это есть незаторможенные сознательной социальной директивой рефлексы («расторможение» часто вызывается опьянением). Обычное поведение человека, как и высшего животного в опытах по выработке условных рефлексов (см. дальше — исследование «условные слюнные рефлексы»), зависит и от сознательных установок испытуемого, а следовательно, такие опыты, по крайней мере в их начальной стадии, являются предметом психофизиологии.

«В истории общества, — говорит Меринг, — все действующие лица суть люди, одаренные сознанием, действующие обдуманно по повелениям рассудка или по порывам страстей, добывающиеся определенных целей; тут

¹⁾ Ф. Меринг. «Об историческом материализме».

²⁾ «Анти - Дюринг», стр. 112 — 113, пятое нем. изд.

ничто не совершается без сознательного намерения, без желательной цели... Воля человека в каждом отдельном случае определяется либо повелением рассудка, либо порывом страсти. Но те пружины, которыми в свою очередь определяются порывы страсти или повеления рассудка, весьма разнородны. Иногда это внешние предметы, иногда — идейные мотивы, честолюбие, «служение правде и справедливости, личная вражда или даже часто индивидуальные капризы разного рода» (Энгельс). В этом и состоит существенное различие между эволюцией природы, с одной стороны, и эволюцией общества — с другой. Если верно то, что в водовороте всех этих случайностей, которые как будто господствуют в бессознательной природе, проявляется все-таки общий закон движения, то спрашивается, не подвержены ли такому закону также мышление и воля сознательно действующего человечества?»¹⁾

«И такой закон можно найти, если стараются отыскать причину, которая приводит в движение все идейные пружины людей. *Человек только в социальном общении может приходить к сознанию, сознательно мыслить и действовать. Социальный союз, членом которого он состоит, будит и направляет его духовные силы*»²⁾.

Бесспорный прогресс человечества почти всегда сопровождается и прогрессом работы его сознания. «Все лишнее в природе атрофируется и уничтожается, тогда как наш собственный опыт говорит нам, что субъективные явления достигают наивысшего развития в наиболее сложных процессах соотносительной деятельности» — признает один из критиков психологии (В. М. Бехтерев).

«*Психология общества, — говорит Плеханов, — всегда целесообразна по отношению к его экономике, всегда соответствует ей, всегда определяется ею.* Тут повторяется то явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное самим характером своим осуждено на гибель. Выгодно ли для общества в его борьбе за существование это приспособление его психологии к его экономике, к условиям его жизни? Очень выгодно, потому что привычки и взгляды, не соответствующие экономике, противоречащие условиям существования, помешали бы отстаивать это существование. Целесообразная психология также полезна для общества, как хорошо соответствующие своей цели органы полезны для организма. Но сказать, что органы животных должны соответствовать условиям их существования, значит ли это сказать, что органы не имеют значения для животного? Совершенно наоборот. Это значит признать их колоссальное, их *существенное* значение. Только очень слабые головы могут понять дело иначе» — заключает Плеханов³⁾.

Значительная роль сознания в социальной жизни и заставляет марксистскую науку заниматься изучением его природы, развития и роли в социальном поведении («активности», «динамогенности» по неудачному выражению некоторых «критиков»). «Экономический материализм. — говорит Плеханов, — является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории»⁴⁾. Еще более решительно подчеркивает роль сознания и его значения в социальном поведении К. Маркс: «главный недостаток материализма — до фейербаховского включительно —

¹⁾ Ф. Меринг. «Об историческом социализме».

²⁾ Op. cit.

³⁾ Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Москва. 1920. стр. 190 — 191.

⁴⁾ Op. cit.

состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами, мир лишь в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не в форме *конкретной человеческой деятельности*, не в форме *практики*, не *субъективно*. Поэтому *деятельную* сторону, в противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно, так как идеализм, естественно, не признает конкретной деятельности, как таковой»¹⁾.

«Задача материализма в области истории.— как понимал эту задачу Маркс,— заключалась именно в том,— поясняет Плеханов,— чтобы объяснить, каким образом «обстоятельства» могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами. И эта задача решалась указанием на производственные отношения, складывающиеся под влиянием условий, от человеческой воли не зависящих. Производственные отношения,— это отношения людей в общественном процессе производства. Сказать, что *изменились производственные отношения*, значит сказать, что *изменились взаимные отношения между людьми* в названном процессе. Изменение этих отношений не может совершаться «автоматически», т.-е. *независимо от человеческой деятельности*, потому что эти отношения являются *отношениями, устанавливающимися между людьми в процессе их деятельности*»²⁾. А ближайшее состояние человека в производственном процессе Маркс, как сказано, определял так: «Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил». Итак, сознание, являясь важным моментом в деятельности организма, играет большую роль уже в техническом моменте производственного процесса, а отражая производственные отношения, будучи, так сказать, посредником между классовым и общественным бытием с его директивами поведения и биологическим организмом человека, сознание играет незаменимую роль в социальной жизни, отражая этапы ее развития.

«Новые небывалые положения,— констатирует Плеханов,— отражаются на психологии людей, очень сильно ее изменяют. В каком же направлении? Одни члены общества отстаивают старые порядки, это люди застоя. Другие же, которым невыгоден старый порядок, стоят за поступательное движение; их психология видоизменяется в направлении тех *отношений производства, которыми заменяются современем старые, отживающие экономические отношения*. Приспособление психологии к экономии, как видите, продолжается, но медленная психологическая эволюция *предшествует* экономической революции. Раз совершилась эта революция, устанавливается полное соответствие между психологией общества и экономией. Тогда на почве новой экономии происходит полный расцвет новой психологии»³⁾.

Думать, что описанная здесь работа сознания не совершается за счет материальных сил организма — это было бы действительным противоречием закону сохранения энергии. Работы Рубнера и Атфатера, экспериментально подтвердившие на животном и человеке закон сохранения энергии, не ставили и не решали такого, например, вопроса: если материальный организм производит свою функцию — состояния сознания, то ускоряются ли при

¹⁾ Тезисы К. Маркса о Фейербахе. Первый тезис.

²⁾ Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма».

³⁾ Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

этом процессы траты организмом своей энергии или нет, т.-е. обходятся ли организму его состояния сознания в некоторую трату энергии; вспомним взгляды М. Dougall'a и Павлова на обусловленность сознания тратой нервной энергии. Как известно, «закон сохранения энергии определяет трансформации энергии по их эквивалентам, но не скорость этих процессов трансформации. Формула этого закона не содержит в себе *времени*» (Н. Ланге).

При этих условиях, в применении к нашему вопросу, мы склонны утверждать истинность такого примера: если субъект, помещенный в калориметр типа калориметра Атфатера, потребит, например, 5000 калорий и выделит их, скажем, чрез 20 часов, не занимаясь при этом специальной умственной работой, то в другом случае тот же субъект, при усиленной умственной работе (и при прочих равных условиях), потребивши те же 5000 кал. пищи, выделит их за более скорое время, примерно — за 10 часов. Нам бы такой факт ускорения траты энергии при умственной работе говорил за то, что состояния сознания обуславливаются определенной тратой материальной энергии организма; об этом говорят и широко известные факты наступления головной боли при перегрузке умственной работой и физическое истощение, а то и ранняя смерть, при тяжелом умственном переутомлении. Об этом свидетельствуют и лабораторные опыты с помещением исследуемого в горизонтальном положении на соответствующей вращающейся площадке; эта площадка в случае умственной работы испытуемого, наклоняется в сторону головы; об этом свидетельствуют и многочисленные подобные опыты, где материальные процессы обуславливают интенсивность работы сознания, а ослабление этих процессов ведет в конечном счете к ослаблению работы сознания. Описанные здесь факты некоторые трактуют и параллелистически, но если к ним прибавим посылку, экспериментально доказанную сравнительной психологией: состояния сознания возникают даже в органической материи только на некоторых высших ступенях развития животного мира, то мы получим вывод: «различие материи от сознания относительно, но не чрезмерно» (Ленин), при наличии которого и довод параллелистов в пользу своих воззрений, основанный на толковании закона сохранения энергии, должен быть, по нашему мнению, отвергнут материалистом.

Вызывала сомнения у критиков и формула «сознание есть функция материи». Эту формулу идеалисты трактовали по-своему: сознание есть функция материи, но материя бывает функцией сознания (обратимость формулы). Под функциональным отношением этой формулы мы разумеем моменты онтологические: материя на определенной ступени развития произвела сознание, примат принадлежит материи, состояние сознания есть производное материи, вторичное состояние ее. Но произведенное раз сознание имеет взаимоотношение к остальным свойствам материи и свое значение в ряду состояний мира. Если позволительны сравнения, то мы бы привели такое: мать рождает дитя, а не наоборот, но родившееся дитя может иметь определенное значение для матери, влияющее на ее поведение. Сознание — функция материи, но не наоборот. Еще Кюльпе утверждал, что для материальных явлений в понятие функции должно привести элемент времени наступления явления; только предшествующий по времени фактор можно считать независимо-переменным по отношению к последующему, от него зависящему. Когда мы говорим: психика есть функция материи, то при этом мы считаем независимым фактором — материю, порождающую зависимую переменную — психику, и ни в коем случае не наоборот; повышение количества сжигаемого угля на паровозе порождает скорость его, но скорость непосредственно не порождает угля; независимое

явление (аргумент) порождает зависимое (функцию), но не наоборот; таков, по нашему мнению, материалистический смысл разбираемой формулы в применении ее к выражению отношения материи и сознания.

Какими основными принципами руководится марксистская психология в настоящее время? Ответ вытекает из всего предшествующего разбора течений и взглядов, близких и далеких от принципов современной психологии в Союзе. Мы кратко их повторим:

1. В настоящее время, отражая основные идеологические установки социальных классов и групп, в философских и научных кругах Европы и Америки происходит «борьба за сознание»; каждая группа стремится истолковать и направить изучение сознания соответственно основным своим установкам. Эта борьба только лишней раз подчеркивает большую роль сознания в жизни, а следовательно, и большую роль науки, исследующей природу сознания, его роль и закономерности. Это — борьба не против психологии, как науки, а за овладение ею.

2. При этом научно-философские группировки, вообще отрицающие реальность сознания или возможность его научного познания, принадлежат к идеалистическому лагерю (в Америке — Джемс, Уотсон, у нас — взгляды Введенского и примыкающих к нему).

3. Марксизм имеет вполне определенные предпосылки к своей психологии, указывающие природу сознания, его роль, возможность и необходимость его научного изучения.

4. При постановке своих опытов и при толковании чужих опытов, затрагивающих деятельность сознания, марксистская психология исходит из разобранного выше принципа — «сознание есть функция высокоорганизованной материи» — и его материалистического толкования. Данное экспериментальное исследование, изучавшее особенности поведения энцефалитиков-паркинсоников, построено на этом принципе.

5. В своей экспериментальной работе психология человека находится в непосредственном контакте со сравнительной психологией животных и в особенности с научным бихевиоризмом, как ставящим и экспериментально решающим вопрос о появлении состояний сознания на определенной ступени развития животного мира и тем утверждающим положение диалектического материализма: материя первична, сознание вторично и возникает в результате роста организованности материальных тел у живых существ. Задачу психологии и составляет изучение возникновения, структуры и роли сознания в поведении животного и человека.

6. При таких условиях между сравнительной психологией и психологией человека устанавливается не только контакт, но и прямая взаимопомощь: по нашему мнению, бесспорные объективные признаки поведения, сопровождающегося сознанием и не сопровождающегося им, можно значительно легче получить при исследовании поведения человека (об этих признаках см. стр. 73 и 74) и применить их к различению поведения с элементами сознания и без такового у животных.

7. В своей работе экспериментальная психология человека (да и животного) исходит из следующего положения: между материей и сознанием имеется отношение единства, но не тождества; данное положение имеет как гносеологическое значение, так и онтологическое. Эти оба значения определяются следующими положениями марксизма: «что в понятие материи надо включить и мысли — это путаница, ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма — идеализму. Что это противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим — это бесспорно. Пределы абсо-

лютой необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 249). «Мы несомненно сведем когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?» (Энгельс. «Архив Карла Маркса и Энгельса», книга 2, стр. 27—29).

8. Из предшествующего принципа и из следующих положений марксизма: с одной стороны, утверждающих способность сознания знать истину—«ощущение открывает человеку объективную истину» (Фейербах—Ленин) «вопрос не в том, субъективно ли знание: это разумеется само собою» (Плеханов), и, с другой стороны, предупреждающих о возможных, но преодолимых ошибках сознания—«общественное сознание отражает общественное бытие», но «отражение может быть верной *приблизительно* копией отражаемого, о тождестве тут говорить нелепо» (Ленин), субъективные наши знания могут быть истинными лишь через проверку их практикой (Плеханов),— из всех этих положений следует: психология должна заниматься исследованием специфических особенностей работы сознания во всей их полноте. Если без работы сознания нет вообще знания, то без науки *о всех особенностях* работы сознания *нет критического знания*. Этот принцип заставляет углублять и развивать дальше положительные стороны ассоциационизма, но внимательно присматриваться и к положительным сторонам критики и работ современных направлений экспериментальной психологии на Западе, разрабатывающих ради своих целей вопрос о специфических особенностях работы сознания; одновременно марксистская психология в своей критике вскрывает идеалистические наслоения в этих экспериментальных работах при помощи приводимых здесь принципов марксистской психологии.

9. Современная психология в своих работах вместе с философией марксизма должна бороться против широко распространенной у нас пропаганды агностицизма, направленной против самой возможности науки о сознании; встречаются буквальные позаимствования у некоторых критиков (Енчмена, В. П. Протопопова, В. М. Боровского и др.) агностических аргументов неокантианца А. И. Введенского. О несовместимости этих ссылок с марксизмом см. «Енчмениаду» Бухарина и у В. И. Ленина: «Энгельс прямо говорит про точку зрения «неокантианского агностика», рассматривая неокантианство, как разновидность агностицизма» и помещая агностиков между идеалистами и материалистами («Матер. и эмпириокр.», стр. 23); по В. И. Ленину, взгляды Энгельса и агностиков враждебны: *Энгельс даже своему врагу, агностику, не приписывает такой бессмыслицы, как «субъективные чувства». Иных чувств, как «человеческих, не бывает»¹⁾.*

10. Современная экспериментальная психология, борясь против установки некоторых идеалистов в психологии, например, Наторпа и под., направленной на изучение лишь индивидуального в сознании, «субъективного» в узком смысле, а не на изучение его объективной работы, должна широко использовать, кроме всех положительных фактов психофизиологии, экспериментальные данные и методику Gestaltpsychologie, как наиболее выразительно в наше время поставившей проблему единства закономерностей природы и сознания. «Для всякого материалиста законы мышления отражают

¹⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 107.

формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами (Ленин — Чернышевский). Теоретические недостатки и невыясненности целостной психологии — невыясненность вопроса о параллелизме, некоторые реминисценции старой натурфилософии и др. — подлежат критике со стороны марксистской экспериментальной психологии.

11. Исходя из единства и целостности человеческого поведения, современная экспериментальная психология исследует все формы конкретного поведения человека, как сопровождающиеся сознанием, так и не сопровождающиеся таковым, так как один вид поведения целостно переходит в другой вид, и научное изучение одного вида поведения невозможно без другого. В этом переходе марксистская психология опирается на принцип: определенные изменения количества изменяют и качество: бессознательное или есть количественная регрессия сознательной формы поведения, например, при выработке автоматической привычки — условного рефлекса, или — «бессознательные» процессы, количественно прогрессируя, переходят в сознательные формы поведения, например, дозы раздражения, предшествующие нижнему порогу сознания, увеличиваясь, достигают порога сознания, или — возобновление в сознании прежних эмоциональных комплексов соответствующим добавочным раздражением и т. п. Понятия «сознания» и «бессознательного» — довольно относительные понятия. Понятия полноты сознания и полной бессознательности суть предельные понятия для бесконечного количества вариаций и градаций в степени силы, яркости и отчетливости сознания. Принцип перехода количества в качество находит большое применение в психофизиологии объединения здесь изучение сознательных форм поведения и их многочисленных «бессознательных» рудиментов.

12. Экспериментальная психология должна быть именно наукой о поведении, «ибо вопрос о том, способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности, вовсе не теоретический а практический вопрос. Практически («сознательным поведением» — З. Ч.) должен доказать человек истину своего мышления. Спор же о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто схоластический спор. Главный недостаток материализма — до Фейербаховского включительно — состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами, мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, *не в форме практики, не субъективно* (Маркс, тезисы о Фейербахе); здесь Маркс характеризует типичное поведение человека, как сопровождающееся сознанием, указывая неотделимость социально ценного поведения от его качества — сознания.

13. Так как роль сознательной деятельности и ее пределы наиболее выразительно проявляются в социальной жизни человека, то современная психология, изучая, как и другие науки, отношения стимула и реакции, изучает стимулы, характерные для социального поведения человека. Такими стимулами являются преимущественно директивы общественного поведения субъекта, обращенные к его сознанию, т.-е. различного рода инструкции. Поэтому раздражение и соответствующая социального порядка инструкция являются характерными стимулами в экспериментально-психологическом исследовании, в отличие его от других видов исследований в естествознании. Марксистская психология не только тесно примыкает к естествознанию, являясь его частью, но она еще более вырастает в социологию, подчиняясь ее установкам. «Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании,

необходима во все время труда и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил» — так характеризует Маркс типичное поведение — современный труд, подчеркивая прежде всего зависимость его протекания от общественных директив — инструкций, которым подчинено даже «напряжение рабочих органов».

14. Не существует состояний сознания, не связанных и не выраженных в тех или иных телесных признаках (механических, физических, химических и физиологических). Показания испытуемых о своих состояниях сознания становятся материалом экспериментальной психологии в случае констатирования в эксперименте характерных телесных признаков для каждого вида переживаний. Слово «интроспекция» при этом употребляется в том строгом смысле, в каком его употребляет, например, Бухарин: «мои психические явления не есть нечто второе, сверх и помимо (физиологических) процессов данное, а лишь *интроспективное* выражение моих физиологических процессов. Этого не понимает антиматериалистический Аника-воин, и отсюда вся его путаница»¹). Если под словом «интроспекция» разуметь способность человека вообще выражать свои мысли и переживания, то без такой интроспекции не могут обойтись никакие объективные деятельность и наука, в том числе и психология.

Пред нами стоит теперь обязанность дать на основе всего здесь изложенного классификацию существующих в настоящее время взглядов на изучение сознания и поведения человека. Мы уже упоминали о довольно рациональном способе познакомиться с существующими психологическими течениями, предпринятом университетом Кларка в Массачузетсе. Этот университет пригласил наиболее популярных ученых, заявивших более или менее самостоятельную точку зрения в психологии, прочесть ряд публичных лекций. Эти лекции были изданы сборником «Psychologies of 1925»; здесь имеются лекции Watson'a, Hunter'a, Woodworth'a, Кёлера, Коффки, Prince'a, Dougall'a, Dunlap'a, Bentley. Издатели сборника склонны классифицировать взгляды этих ученых по таким рубрикам: 1) бихевиоризм (куда относятся изложенные здесь в их принципиальном отличии взгляды Уотсона и Hunter'a), 2) динамическое направление (Woodworth), 3) Gestaltpsychologie (Köhler, Koffka), 4) намеренческое (purposive) направление (Dougall), 5) реактивное (Dunlap) и 6) структуралистское (Bentley, крупнейшим представителем этого направления в Америке является Титченер). По самой технике выявления существующих течений, принятой университетом Кларка, эти течения классифицировались, главным образом, как убеждения отдельных ученых, отдельных кафедр психологии в различных университетах преимущественно Америки (из Европы были приглашены Köhler и Koffka); в одну рубрику были внесены принципиально отличающиеся Watson и Hunter; остальные кафедры психологии в Америке распределены в целых четыре направления. Между тем можно сказать, не боясь при этом впасть в крайность, что вся американская психология находится под влиянием, в той или иной степени, философии В. Джемса, впервые, кажется, отчетливо формулировавшего особенность идеологии современного промышленного американского общества. Те, кто усвоил из изложенных взглядов Джемса часть его философских выводов вроде — «сознание испарилось» и т. п., те образуют описанную в лице Уотсона группу «крайних» бихевиористов; те, которые держались противоположного взгляда Джемса —

¹) Бухарин. «Енчменада».

«психологию должно излагать, как естественную науку» — составляют остальные указанные сейчас группировки. Между полярными взглядами находятся различные переходы, составляющие особенность представленных в сборнике университета Кларка «направлений», выражающих скорее различие взглядов отдельных профессоров кафедр психологии в различных университетах Америки, чем принципиальные различия.

Джеме в свое время выступил с критикой установившихся со времен Фехнера — Вундта в экспериментальной психологии положений, завершенных целостной психологией: сознание в своих взаимно связанных функциях представляет некоторую определенную, более или менее устойчивую структуру. Структуре Джеме, в согласии со своим — относительно динамическим — прагматизмом, противопоставил непрерывный «поток сознания». Этот расплывчатый и неясный в своих очертаниях «поток», лишенный относительно устойчивой структуры, и составляет основную сущность «первоначального вещества, — как говорит Джеме, — или мировой материи, — вещества, об'емлющего собою все, и если назвать это вещество «чистым опытом», то легко об'яснить познание, как особый вид взаимоотношения, в который входят различные элементы чистого опыта». При этом, как сказано, у Джеме «единая часть опыта, взятая в определенном контексте, играет роль познающего «сознания», тогда как в другом контексте тот же единый отрезок будет играть роль познанной вещи. Одним словом, в одном сочетании он (отрезок опыта) фигурирует как мысль, в другом — как вещь». Психологическая формулировка, распространенная преимущественно у «крайних» бихевиористов, просто бихевиористов (Hunter), почти бихевиористов («near behaviorism» — Allport и другие) и построена на принципе тождества Джеме, в свою очередь взявшего этот принцип у Маха — Авенариуса и дальше — у Беркли. Вот формулировка этого принципа: «Я хочу сказать, — говорит Джеме, — что нет первоначальной материи или качества бытия, составляющего наши мысли о вещах, в противоположность самим этим вещам; но мысли исполняют известную в опыте функцию, и исполнение это вызывает необходимость такого качества бытия»²⁾. Здесь дано и об'яснение, почему психология Джеме называется функциональной, и об'яснение «левых» фраз американской психологии: «мыслей о вещах, в противоположность самим этим вещам, нет, есть только «чистый опыт, в котором вещь и мысль одно и то же». То, что сборник университета Кларка называет динамическим направлением («поток» Джеме и его «динамика»), реактивным и намеренческим — есть небольшие вариации функциональной психологии Джеме. Как будто особняком стоит структуралистское направление, главою его надлежит признать упомянутого Titchener'a, редактора самого старого и «почтенного» психологического журнала Америки — «American Journal of Psychology», основанного в 1887 году; со структуралистами до некоторой степени полемизировал Джеме. Чтобы понять источник споров, надо припомнить, что старшее поколение американских психологов училось в Европе и является в той или иной степени учениками Вундта; а Джеме имеет потому большое значение в американской психологии и философии, что он почти первый выразил особенности американского мировоззрения, в форме прагматизма, и американской психологии, в форме динамизма и практицизма его функциональной психологии; в этой психологии есть нападки на дуализм структуралистов — типичных

¹⁾ В. Джеме. Статья «Существует ли сознание», сборн. «Новые идеи в философии», № 4, стр. 104, 107 — 108.

²⁾ Op. cit., стр. 103.

эмпириков с их параллелизмом, взаимодействием и др. особенностями европейской эмпирической психологии. Наши поклонники американской психологии, реферируя журналы Америки, особенно излагающие взгляды сторонников внешнего поведения, обычно следуя точке зрения этих журналов, положительно освещают функциональную психологию и отрицательно структуралистскую. Но динамизм, практицизм, почти «материализм» воззрений Джемса имеет, как сказано, в основе установку идеалистического тождества, отражающуюся в воззрениях американских психологов.

Надлежит отличать при стремлении разобраться в заграничных принципиальных течениях психологической мысли функциональную психологию Джемса от немецкой функциональной психологии Штумфа. Между функционалистами Европы и Америки шел горячий спор; сторонники американской функциональной психологии (D. S. Miller, M. W. Calkins, Dewey и др.) в этом споре выставляли последнюю, как приложение прагматизма; иное, прямо противоположное толкование функциям давал Штумф в этом споре (см. впереди его взгляды).

Также нуждается в уточнении понятие «структурализма». Одним из основных понятий Gestaltpsychologie является понятие Strukturmonismus, как известно, эта школа структуралистов в Европе спорит с теми направлениями, которые в Америке называются их же именем структуралистов. Философская и психологическая эмансипация Америки привела к двойному значению некоторых основных терминов европейской психологии, получивших в Америке, в силу специфического ее развития, свое особое значение.

Если вообще надлежит избегать классификации научно-философских направлений по именам и терминам, то в особенности это относится к психологии. Нашим fundamentum divisionis при классификации будут служить отношения различных школ к основному объекту психологии, к сознанию, — к его природе, возможности и необходимости научного изучения. С этой точки зрения освещенные в этой статье основные психологические направления могут распределиться, отчасти по принципу дихотомии, так (см. схему, стр. 155): ученые (на схеме круг 1-ый), занимающиеся психологией — изучением сознания и поведения — делятся на группу лиц, отрицающих ту или иную реальность сознания (круг 2б), и на группу лиц, признающих ту или иную реальность сознания (2а); конечно, первая группа и незначительная и легко впадающая в противоречие при своем отличительном принципе, сюда принадлежит русский писатель Енчмен, американец Уотсон и его некоторые русские последователи. Основная масса ученых психологов принадлежит ко второй группе. Эта последняя группа дихотомически дальше подразделяется на ученых, признающих научную познаваемость состояний сознания (3а), и на ученых, не признающих такого познания психики (3б); к последней группе принадлежал, напр., проф. А. И. Введенский с его взглядами в «Логике, как части теории познания» (математика и естествознание содержат достоверное знание; «чужая одушевленность» — сознание — не может быть предметом науки, а лишь предметом морально обоснованной веры) и акад. И. П. Павлов в 1913 г., когда он находил науку о сознании безнадежной (этот взгляд потом изменился). Основная группа ученых, занимающихся изучением сознания и поведения, это есть ученые, признающие научную познаваемость состояний сознания; эту последнюю группу мы теперь подразделим по содержательному принципу: новейшие идеалисты (4в) и близко стоящие к ним эмпиристы (4б), как физиологи (5г), так и психологи (5д), представители Gestaltpsychologie (5в) и ученые, определенно признающие возникновение сознания на некоторой ступени развития материи (4а);

последняя группа делится на марксистов-психологов (5а) и ученых, эмпирически признающих факт возникновения сознания на некоторой ступени развития материального мира, к последним можно отнести некоторых представителей «научного» бихевиоризма типа Л. Моргана и его последователей (5б). Идя¹⁾ в схеме справа налево или наоборот, мы получим, по нашему мнению, выражение степени близости различных направлений современной *принципиальной* психологической мысли, но не технико-методической связи, при которой взаимное пользование техническими методиками не ограничено, вернее — ограничено лишь практической пригодностью данной методики наилучше ответить на основные принципиальные запросы группы.

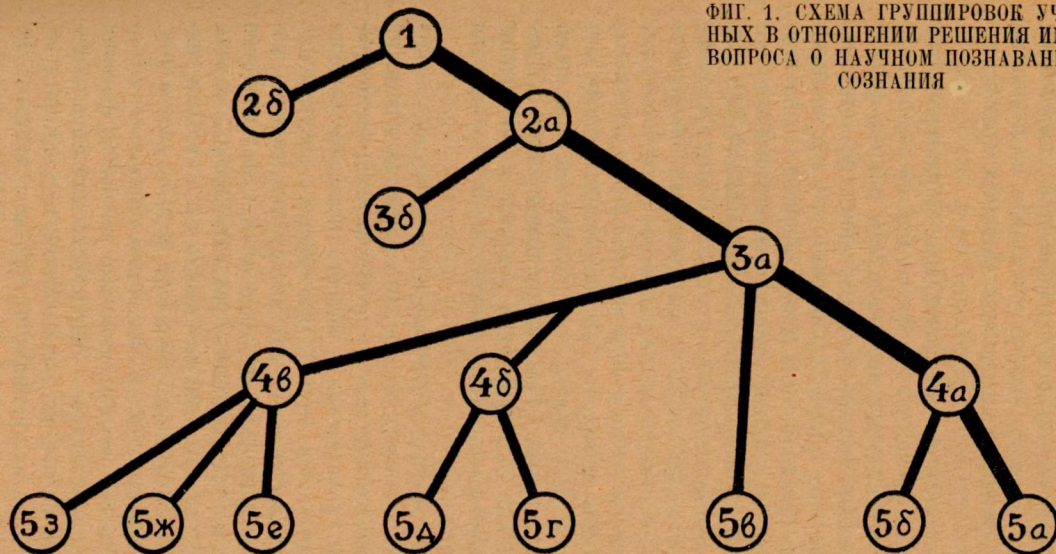
Объяснением схемы служит вся данная статья. Некоторые частности еще раз придется подчеркнуть. Основной чертой эмпириков является их более или менее явно выраженный параллелизм (Вундт, Гейдинг); в философии, которой они чаще избегают в своих экспериментальных работах, эмпирики обычно являются определенными идеалистами; от группы новейших идеалистов они отличаются меньшей философской принципиальностью. Ученым, которых мы внесли в группу «новейшие идеалисты», принадлежит определенная, более или менее оригинальная, идеалистическая система (обычно в духе идеалистического тождества), часто, по условиям новейшего времени, завуалированная «левой» фразой. Те физиологи, которые отнесены к эмпирикам, характеризуются отсутствием принципиального взгляда на природу сознания, его роль и закономерности и его познаваемость; не отрицая сознания и его какой-то роли, эти ученые обычно полагают, что методы изучения сознательного поведения человека почти безнадежны, отсюда их агностический позитивизм (близость некоторых из них к изложенным взглядам Введенского подчеркивалась и некоторыми из них и критикой) и параллелизм. В остальном схема находит свое объяснение в предшествующем изложении.

Выше были перечислены черты психофизиологии, как науки о поведении человека. Основы психофизиологии, как экспериментальной дисциплины, положены давно; труды Вундта, Фехнера и др. были поддержаны, развиты и видоизменены сотнями ученых всех стран; оживление в принципиальные суждения о психофизиологии, внесли своей критикой школы русских ученых И. П. Павлова и В. М. Бехтерева; непреходящим значением этих ученых является внесение в науку о поведении методики условных рефлексов; такое же значение имеют и методики сравнительной психологии — научного бихевиоризма. Гносеологические же и онтологические предпосылки, отсутствие или неясность которых у некоторых критиков приводили к путанице в суждениях о нашей науке за последние годы, даны вполне определенно философией наших дней — диалектическим материализмом.

Черты психофизиологии наших дней перечислены. Спрашивается, не возникает ли нужда в изменении названия науки? Если бы такой вопрос и возник, то он был бы лишь вопросом вывески; ибо важно, конечно, не название, а внутреннее содержание, каковое мы и пытались выше вскрыть. «Рефлекология», кладя в основу элементарный рефлекс, как форму поведения, исследуемую без обращения к сознанию, исследует только часть даже рефлекторных актов (см. схему Сеченова, стр. 18) и не покрывает всех проблем науки о поведении человека. Проще было бы оставить прежнее название Вундта «психофизиология», «физиологическая психология». Но желание

¹⁾ В нижних рядах схемы.

ФИГ. 1. СХЕМА ГРУППИРОВОК УЧЕНЫХ В ОТНОШЕНИИ РЕШЕНИЯ ИМИ ВОПРОСА О НАУЧНОМ ПОЗНАВАНИИ СОЗНАНИЯ.

1) Ученые, занимающиеся вообще исследованием сознания и поведения человека и животных.

2а) Ученые, признающие существование сознания.

2б) Лица, склонные отрицать существование сознания (Енчмен, Уотсон и некоторые его последователи у нас).

3а) Ученые, признающие научную познаваемость состояний сознания.

3б) Ученые, не признающие научной познаваемости сознания: А. И. Введенский времен его «Логики»; И. П. Павлов в 1913 г. («наука о сознании безнадежна»), но не в другое время.

4а) Психологи, признающие возникновение сознания на некоторой ступени развития материального мира.

4б) Эмпирики (параллелизм).

4в) Психологи — новейшие идеалисты.

5а) Марксисты - психологи, признающие единство, и не тождество материи и сознания и диалектическое развитие материи и возникшего из нее сознания.

5б) Ученые, эмпирически признающие «возникновение» сознания: научный бихевиоризм типа Л. Моргана и др.

5в) Gestaltpsychologie.

5г) Те физиологи, которые полагают, что научному изучению подлежит лишь внешнее поведение.

5д) Психологи - эмпирики (параллелизм, теория «взаимодействия», идеалистическое тождество в философии — типичен Гейдинг и др.).

5е) Штумф (функционализм).

5ж) Джемс (прагматизм).

5з) Мах, (эмпириокритицизм) и другие.

вести новые онтологические и гносеологические предпосылки заставляют рядом с этим названием употреблять и иное — «реактология».

Терминологическая комиссия при Американской Психологической Ассоциации, задавшись специальной целью отобрать наиболее подходящий термин для основного понятия науки о поведении, признала таковым «реакцию организма на окружающую сферу». Советский ученый проф. К. Н. Корнилов, много поработавший над выяснением особенностей современной марксистской психофизиологии, в своем экспериментальном исследовании поведения человека («Учение о реакциях человека») принимает за основную единицу «реакцию».

Это основное понятие современной психофизиологии характеризуется К. Н. Корниловым так: «Реакция есть основная форма всякого жизненного проявления, реакция является единственно первоначально данной формой жизненного проявления; психология должна быть изучением реакций живого организма, охватывающим все формы проявления его в отношении окружающей среды». Реакции организма, сопровождающиеся сознанием, есть явления сложного порядка. Изучением специфических особенностей этих реакций и есть задача реактологии. Природу таких реакций В. И. Ленин описывал так: «Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, *ощущение есть, действительно, непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания*. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу»¹). К. Н. Корнилов в упомянутой выше своей работе исходил из подобного принципа: «Реакция по самой своей сущности есть именно не что иное, как трансформация энергии и постоянное нарушение энергетического равновесия между индивидом и окружающей средой»²).

К. Н. Корнилов, борясь за материалистическую психологию, поднял протест против спиритуалистического и дуалистического изучения поведения человека. Методикой исследования работника в его особенностях, охарактеризованных Марксом, может быть реактология, сущность исследовательских приемов, который сводится к тому, что человек реагирует на раздражение среды (сигналы) по данной ему инструкции; эта инструкция, конечно, может быть названа слуховым раздражением, но ее особенность по сравнению с простым сигналом — звуком, цветом, кожными раздражениями — заключается в том, что при ее употреблении мы не просто даем ее, как, например, звуки звонка в методике условных рефлексов, а заботимся о том, чтобы она *была определенно понята*; и до тех пор инструкция не будет удовлетворительной для целей опыта, пока она не будет понята, как ее понимает экспериментатор. Короче — инструкция является типичным обращением к нормальной работе тех форм сознания, о которых говорил Маркс, и это резко отличает инструкцию от простых сигналов. Четыре словесных раздражителя: «есть, классов, история, борьба» в таком порядке, как они здесь приведены — только слова-раздражители, но если мы их произносим в такой комбинации: история есть борьба классов, то здесь к простым словам-раздражителям присоединяется один немаловажный фактор — смысл, понимание которого нашими слушателями и есть условие реактологических опытов, да и вообще социального общения; задача при

¹) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм».

²) Корнилов. «Учение о реакциях с психологической точки зрения. (Реактология)», изд. 1, стр. 13.

реактологических опытах представляет задачу на понимание инструкции и требуемого ею поведения.

Инструкция и выражает собою те императивы к действию или его задержке, которые сложились в кругу данного общества людей; инструкция с условным раздражением при ней в опытах с реакциями опирается на весь биологический, а главное, и на весь социальный опыт человека. Гамма таких инструкций могла бы захватить все типы общественного поведения человека.

Раздражители без инструкций охватывают исследование только чисто биологических форм поведения человека, описанных выше в классификации Сеченова под рубрикой 2а.

Те формы рефлекторного поведения, которые Сеченов назвал «рефлексами, осложненными сознательными чувствованиями» — тошнота, рвота и т. п. (рубрика 2в) или «чувствительно-двигательными актами» — выделения мочевого пузыря и прямой кишки, а в особенности «заученные движения», или — по новейшей терминологии — условные рефлексы, по Сеченову, всегда сопровождаются состояниями сознания. И роль состояний сознания в условных рефлексах описывается физиологом, положившим основы в «русской физиологической школе» учению о рефлексах, так: «заученные движения в свою очередь развиваются не иначе, как под влиянием жизненных потребностей и, раз развившись, отличаются от инстинктивных лишь большей подвижностью связи между движением и чувствованием. При этом фактором, раз'единяющим их друг от друга, является и здесь, как и в действительности вышеописанных регуляторов разных категорий, воля, с ее способностью воспроизводить движение намеренно, без содействия соответственного чувственного стимула, и угнетать его наперекор действию последнего»¹). «Воля», о которой говорит Сеченов, определяется им почти одинаково с Марксом: «оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, — говорит Маркс, — целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения».

Конечно, всякий труд через месяц-другой становится привычным, т. е. в него входят и условные рефлексы, но эти условные рефлексы корректируются, исправляются, возбуждаются, тормозятся тем более высоким, чем привычки — условные рефлексы, психофизиологическим состоянием, которое Маркс и Сеченов называют «воля». Именно в акте воли, в качестве ее мотивов, и даны, с одной стороны, социальная директива-инструкция, а с другой — рефлекторные состояния организма; социальная директива вызывается таким и качественно и количественно мощным «раздражителем», как социальное бытие, в сравнении с которым типичные «раздражители, обуславливающие наступление условно-рефлекторных актов, являются весьма и весьма слабыми».

Господствующим, доминантным возбудителем поведения является социальное бытие испытуемого, а типичное, в особенности для современного человека, социальное поведение характеризуется основным своим признаком — сознательностью. «Человек только в социальном общении может приходить к сознанию, сознательно мыслить и действовать, — констатирует Ф. Меринг. — Социальный союз, членом которого он состоит, будит и направляет его психические силы»²).

¹) Сеченов. «Физиологические очерки», ч. II, стр. 78, изд. 1898 г.

²) Ф. Меринг. «Об историческом материализме».

Там, где один человек встречается с другим, там всегда имеется налицо сознательное поведение их. Во всех опытах с человеком, да, вероятно, и с высшими животными, по условно-рефлекторной методике, даже в классической слюнной методике, имеется налицо поведение, зависимое в своем течении от сознания, т.-е. от психофизиологических факторов, а не чисто физиологических (см. дальше исследование «слюнных условных рефлексов у человека»). Работники, пользующиеся только данной методикой, обычно принуждены замалчивать этот фактор, хотя он и бывает «роковым» для ожидаемых экспериментатором результатов условно-рефлекторных опытов.

Поэтому науке, исследующей хотя бы только внешнее, «объективное», поведение человека, надлежит строго учитывать психофизиологические состояния его в опытах, определенно регулировать, дозировать, находить связи и закономерные обусловленности этих состояний, всего этого можно достигнуть при помощи системы инструкций. Или нужные субъекту в таких опытах инструкции он сам себе будет говорить, — тем хуже для этих опытов. Реактология и занимается изучением поведения человека в зависимости от сознаваемой социально-обусловленной инструкции и от биологических факторов организма. Всякое другое направление в изучении поведения человека необходимо принуждается к исследованию всех этих факторов поведения, но в силу той или иной априорной доктрины некоторые направления уклоняются от научной обязанности, вытекающей из природы исследуемого объекта. Техничко-методический прием определяется природой исследуемого объекта, только соблюдающее этот принцип исследование может быть названо объективным.

Реактология, как наука о соотносительном поведении человека, непосредственно определяемом внешним раздражением и инструкцией социальной природы, имеет основной своей главой — учение о познавательных-волевых реакциях, исследовавшихся до сих пор хроноскопом и динамоскопом, здесь наиболее выразительно выступают характерные черты реактологии. Но в нее входят равноправно и другие главы, построенные на том же принципе: экспериментальном измерении целостной реакции и ее составных моментов по схемам проводящих путей нервной системы, осуществляющих данный тип реакции, с учетом при этом роли того типа психических установок и переживаний, которые были вызваны инструкцией и раздражителем. Конечно, схемы проводящих путей, осуществляющих реакцию, как, например, приводимая дальше в нашем исследовании схема Lewy, более реальны и анатомически и физиологически, чем распространенная абстрактная схема рефлекса. Под описываемый тип исследования подходит не только хроноскопия и динамоскопия, но и мнемометрия, как изучение реакции на инструкцию-раздражитель с установкой на вызывание прежнего опыта; тахистоскопия, как изучение реакций на инструкцию-раздражитель с тем или иным объемом и качеством установки; плетисмография, как изучение реакций на раздражитель, с учетом эмоциональных переживаний, вызываемых им; психофизика — как изучение реакций на инструкцию-раздражитель с установкой на определение психического эквивалента раздражителя, и другие многочисленные методики психофизиологии.

Основным методическим принципом реактологии является правило: дается раздражение с инструкцией, регистрируется поведение испытуемого со всею количественною и качественною точностью (при помощи всех технических аппаратов, которыми располагает довольно богатая в этом отношении психофизиология); это — стадия описания; в дальнейшей целостная реакция, технически наиболее совершенно описанная в своих признаках, подвергается анализу — разложению на составные части и уяснению взаимоотношений

частей (примеры описания и анализа мы увидим в данном исследовании); но при этом надлежит помнить, что всякая реакция человека есть целостная реакция; анализ сводится к исследованию простейших целостных реакций, определивших структуру сложной целостной реакции. Этот анализ производится дополнительными исследованиями все также целостных реакций меньшего объема общими с естествознанием индуктивными методами единственного сходства и различия.

Различие между давно известными методами физиологической психологии и выдвигаемыми в последнее время методами целостной психологии заключается не в том, что первые методы будто бы изучают поведение козачино, а вторые — целостно, а в том, что и те и другие, изучая пощему принципу психофизиологии действительно целостные реакции (иных и не может быть), отличаются между собою тем, что первые методы изучают целостные реакции с господством одного какого-нибудь момента (внимания, эмоции, памяти и т. п.) при минимальной активности других моментов, а вторые методы вскрывают прежде всего целостный характер самых сложных реакций. «Целостные» методы предпочитают в своих целях предлагать сложные задачи, сходные с обычно сложными задачами действительности. Изучение внимания, памяти, эмоций дает, во имя методических задач, более простую задачу испытуемому, которая, быть может, реже встречается в действительности, но решение которой все же есть целостная реакция. Основная установка методов «целостной» психологии сводится к получению таких экспериментальных результатов, которые могли бы показать и доказать ту мысль, что наши психические процессы, даже самые сложные (отсюда данное направление и берет в опытах сложный раздражитель), конструируются не столько как собрание элементов воспринимаемого предмета, сколько как его целостный образ. Первые упомянутые методы разрешают в нашей науке задачи преимущественно аналитического характера, вторые — синтетического. Без аналитических методов невозможны и научные синтетические построения. Аналитическая работа в психофизиологии происходит не за счет уничтожения целостного качества реакции, а за счет изучения в целостной реакции особенностей какого-нибудь одного интересующего нас момента путем приведения раздражителем и инструкцией остальных моментов целостной реакции к постоянному минимуму активности. Таким образом, анализ достигается не «рассечением живого», а применением общих методов индуктивной логики — единственного различия и единственного сходства.

На основе предшествующих стадий работы устанавливается типика поведения в зависимости от технического раздражителя, вида инструкции и структуры акта реагирования у данного субъекта; при анализе структуры реакции реактолог использует всю полноту анатомо-физиологических данных. В такой работе мы достигаем ступени установления закономерной связи исследуемых явлений, как психофизиологических. Роль психических явлений в акте реагирования в таких условиях освещается как со стороны обуславливания их внешними раздражителями, прежним опытом и анатомо-физиологическими особенностями данной структуры, так и со стороны влияния на протекание реакции наличествующих психических переживаний, вызванных инструкцией.

«Словесный отчет» испытуемых о протекании реакций не исключается, а контролируется в своей чуткости, точности и ошибках объективными сторонами эксперимента. Таким путем вскрываются особенности объективной деятельности сознания, в ее отличии от чисто индивидуальной. При чем надлежит помнить, что термин «словесный отчет», введенный некоторыми

американскими психологами - бихевиористами является прежде всего *отчетом*, а не просто «словесностью». Употреблять для понятия «отчета в своих состояниях сознания» термин «интроспекция» можно только в том смысле, в каком его употребляет, например, Бухарин (см. стр. 129). Если под термином «интроспективный» разуметь повествование, например, блаженного Августина о своих видениях и тому подобное, то в таком смысле «интроспективный» не употребляют уже сотню лет даже самые отсталые буржуазные психологи. Если же под термином «интроспекция» разуметь способность каждого человека более или менее удовлетворительно выражать свои мысли, переживания и наблюдения (в том числе наблюдения фактов самого строгого объективного опыта), то без такой «интроспекции» не обходится любая объективная деятельность и наука, в том числе и психофизиология. «Мои психические явления, говорит Бухарин, не есть нечто второе сверх и помимо (физиологических) процессов данное, а лишь *интроспективное* выражение моих физиологических процессов». Надлежит при этом помнить, что, исходя из употребления данного термина Бухариным, все психические состояния являются «интроспективным» выражением физиологических процессов, в том числе и те состояния сознания, без которых невозможно никакое знание, в том числе и объективное всех видов. Самый злой враг сознания и его изучения «интроспектирует» в вышеуказанном смысле даже тогда, когда он занимается «объективными» экспериментами, направленными против «состояний сознания в какой бы то ни было форме».

При чем вовсе при этом не требуется впасть в те формы самонаблюдения, о которых еще Кант предупреждал, как об опасных для здоровья. Мы впереди определили допустимое понятие интроспекции. В опытах обычно регистрируются рядом с объективными признаками лишь те акты сознания, которые ясны и бесспорны в своих качествах и взаимоотношениях для их носителя.

Акт сознания вполне ясны при некоторых методических условиях в своих качествах и взаимоотношениях для их носителя; эта познаваемость их делает человека способным уравниваться помощью их показаний с требованиями среды; «неисследуемые тайники психики», в которых «хаос шевелится», существуют для саморефлектирующего сознания некоторых кругов интеллектуальных работников; в последних случаях имеется попытка выразить не только результаты процессов «оптимально возбужденных нейронов», но и тех, которые едва затронуты данным раздражителем; это попытка связать не только центры, чрез которые прошел ток достаточной силы для нормальной ясной ассоциации, но и такие, которые слабо затронуты им, это — гипертрофия интроспекции у людей, раз'едающих себя рефлексией, оторванных от нормального восприятия действительности.

Для точной регистрации и контроля психических переживаний употребляется, как известно, ряд методических приемов. Но для нас важнее всего объективная регистрация поведения, ею мы можем определить степень точности и правдивости в высказываниях испытуемого. Пример из исследования ассоциативных реакций: ассоциативный ответ может заготовляться испытуемым вперед — раньше подачи слова - раздражителя; такое нарушение инструкции легко обнаруживается резким уменьшением латентного времени, отсутствием объективных признаков определенной степени внимания — выражения напряжения и разрешения через пульс, отсутствием объективно уловимой связи слова - раздражителя и слова - ответа в течение всей серии и, наконец, подачей экспериментатором бессмысленного слова - раздражителя, на которое также следует заранее приготовленный ответ. Все эти приемы и подобные им дают объективные средства для учета истин-

ности показаний при экспериментальном исследовании ассоциаций. Такие же средства объективного контроля в психофизиологии применимы ко всем видам психических переживаний при их экспериментальном изучении. Совершенно поставленная регистрация позволяет в любой момент определить степень чуткости испытуемого к его реакции, объективно регистрируемым, и таким образом квалифицировать степень объективности работы сознания. Практикой реактологических опытов доказывается степень истинности показаний испытуемого в актах реакций (см. дальше подглаву: «Объективная проверка показания самонаблюдения»).

Современная психофизиология в тех чертах ее, которые мы стремились здесь предварительно указать и которые будут осуществлены практически в данном исследовании, позволяет дать описание и анализ поведения наших «подкорковых» больных сравнительно с поведением здоровых людей только при условии полноты использования существующих методов психофизиологии, а не доктринерского предпочтения одного «своего» метода.

Исследуя патологические формы поведения человека, в нашем случае поведение хронических энцефалитиков, мы, на основании данного методологического освещения особенностей поведения человека, обязаны ставить вопрос так: какие стороны поведения данных больных и как изменились у них по сравнению с той высшей формой поведения человека, которая выше охарактеризована философией диалектического материализма, современной социологией, марксистской психологией и взглядами выдающихся биологов, исследовавших или затрагивавших вопросы поведения животных и человека.

Особенно ценным материалом для марксистской психологии явился бы, по нашему мнению, материал *неврологической психологии*. Суть такого направления сводилась бы к тому, что при разрешении проблем данного направления психологии прослеживалось бы влияние различных поражений нервной системы на функцию последней — психику; в решении таких проблем мы получаем экспериментальное доказательство материалистического положения — «психика есть функция материи». Особенно важным в работах неврологической психологии является то, что большинство органических поражений нервной системы не могут быть компенсированы той психикой, которая является функцией уже резко нарушенной в данном случае организованности тела. Исследуя такие случаи, мы получаем доказательства положения: психика есть функция материи, но не наоборот.

Статья проф. А. И. Геймановича, директора Украинского Психоневрологического Института, в психофизиологической лаборатории которого произведено данное исследование, рисует нам шаги, предпринятые невропатологами Запада к построению неврологической патопсихологии. Заметная роль в этих шагах принадлежит Wernicke, Kleist'y, Stertz'y, Leyser'y и другим: что сделали эти ученые — изложено в статье проф. А. И. Геймановича. Но невропатологов интересовало не решение проблемы «психика есть функция организованности тела», а прослеживание специальных и частных выпадений в психике под влиянием того или иного органического поражения нервной системы; как видно, установка иная, чем у нас, что и заставляет нас сделать некоторые оговорки. Эта установка невропатологов особенно склонна к подчеркиванию параллелизма состояний психики и процессов в нервной системе: когда поражается некоторая часть нервной системы, то параллельно выпадают некоторые формы психической деятельности; с такими фактами, конечно, хорошо были знакомы Вундт, Эббингауз, Джемс, не склонявшиеся признавать психику за функцию высокоорганизованного тела. Кроме того, решение вопроса, как его ставят упомянутые

невропатологи, связано с представлениями о специальной, ограниченной, локализации «психических способностей» в мозгу: поражение какой-нибудь части мозга ведет не столько к изменению психики, как целостной функции организованности тела, сколько к выпадению некоторой абстрактной «части психики, одной какой-либо психической способности». Ни теория «тесной» локализации, ни теория способностей в наше время не пользуется заметным кредитом.

Диалектико-материалистическая точка зрения подчеркивает новое качество в том состоянии высокоорганизованной материи, которое мы называем сознанием,— новое качество по сравнению с качеством процессов нервной системы, функционально продуцировавших состояние сознания. Это новое качество, кроме других признаков, характеризуется своей цельностью, в силу этого признака состояния сознания, и способны быть функцией всей высокой организованности тела и замещать для субъекта состояния многих миллиардов клеток тела целостным, относительно простым ощущением. Если бы каждый элемент тела имел свое собственное раздельное выражение или представительство в сознании, то это и было бы последовательным осуществлением принципа параллелизма психики и материи. Диалектико-материалистическая точка зрения указывает на новое качество в состоянии материи при высокой ее организации — сознание; это качество не просто параллельно материальным процессам, а является следствием, выражением их высокой организованности; только в такой роли сознание не имеет самостоятельного, субстанционального, существования, а является только определенной функцией тела. Поражение нервной системы в одной части дает не параллельное гипотетическое выпадение только одной «способности» сознания, как будто локализационно связанной с данным поражением, а отражается прежде всего на качестве всей организованности тела и на функции этой организованности — сознании, хотя, быть может, заметнее (и только заметнее!) других сторон целостной реакции ослабляется одна какая-нибудь сторона, что опять таки выявляется через некоторое изменение целостной психофизиологической реакции организма, проявляющего в таких случаях свои викарирующие и компенсирующие свойства. Теория отдельных способностей сознания не является прогрессивным шагом в современной психологии (наоборот — регрессивным); сознание есть целостная функция организованности всего тела.

Что касается современного состояния проблемы локализации, то теперь все более растет тенденция расширить для основных психических функций прежние ограниченные неврологические очаги до той или иной формы деятельности всей коры и координированной с нею подкоры. При таких условиях суть неврологической психологии мы видим не в прослеживании параллельных органическим поражениям выпадений в психике, а в решении проблемы, каким образом изменяется психика, как целостная функция организованности тела, в случае поражения одного какого-нибудь соматического отдела, — поражения, не уничтожающего организованность тела, а лишь видоизменяющего эту организованность в той или иной степени. Целостным выражением как организованности тела, так и патогенного видоизменения этой организованности является сознание. Марксистской психологии ближе скорее появившееся среди невропатологов учение «об эндогенной психической реакции», когда психика изменяется не вследствие прямого поражения ближайшего аппарата психики — коры, а вследствие реакции нервно-психического аппарата на такое появившееся в организме поражение, которое вначале как будто прямо и не затрагивало деятельность коры и ее функции, но в дальнейшем развитии

патологический очаг через нарушение первоначальной организованности тела вызывает реактивно и изменение в функции этой организованности — сознании. В работах намечающегося вида психологии (неврологического) марксистская психология получает материал, подтверждающий ее основное положение: психика есть функция высокоорганизованного тела, но не наоборот. Особенно благодарным материалом для данной установки современной психофизиологии являются хронические энцефалитики.

Наше данное экспериментальное исследование особенностей поведения энцефалитиков - паркинсоников и представляет опыт исследования типа работ неврологической психологии. В него вошли исследования основных сторон поведения человека, как мы последнее впереди характеризовали, поэтому данное экспериментальное исследование распадается на следующие главные отделы:

1. Условные рефлексы у энцефалитиков - паркинсоников и у здоровых.
2. Психофизиологические моторные реакции у энцефалитиков - паркинсоников и у здоровых.
3. Характерные особенности тремора у энцефалитиков - паркинсоников и у здоровых.
4. Форма движения у энцефалитиков - паркинсоников и у здоровых.
5. Эмоциональные реакции у энцефалитиков и у здоровых.
6. Ассоциативные реакции у энцефалитиков и у здоровых.
7. Заключительная глава — волевая сфера у энцефалитиков - паркинсоников и у здоровых.

Эти отделы исследования охватывают изучение основных типов психофизиологических реакций человека, отклонение от нормы которых и должно характеризовать патологические особенности поведения наших больных.